

Софи
Ирвин

Советы
юным леди

по безупречной
репутации

Роман

18+

Поклонники искрометного юмора
и «Бриджертонов» окажутся в раю.

The Bookseller

Азбука-бестселлер

Софи Ирвин

**Советы юным леди по
безупречной репутации**

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Ирвин С.

Советы юным леди по безупречной репутации / С. Ирвин —
«Азбука-Аттикус», 2023 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-24358-3

Похоронив нелюбимого старого мужа, леди Элиза Сомерсет вступает во владение богатым наследством. Теперь Элиза впервые в жизни может сама распоряжаться своим будущим! Однако в завещании есть оговорка: вдова не должна запятнать доброе имя Сомерсетов. Устав от давления семьи, она отправляется с кузиной Маргарет на воды в Бат. Они собираются вести себя абсолютно благопристойно, поскольку сердце одной уже десять лет принадлежит любимому, с которым она разлучилась, а другая и вовсе предпочитает проводить время в музеях и библиотеках. Но в борьбе за наследство коварные родственники со стороны покойного начинают строить козни, чтобы скомпрометировать молодую вдову... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-24358-3

© Ирвин С., 2023
© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Софи Ирвин

Советы юным леди по безупречной репутации

Sophie Irwin

A LADY'S GUIDE TO SCANDAL

Copyright © 2023 Irwin Editorial Limited

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd
and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Э. А. Несимова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Поклонники искрометного юмора и «Бриджертонов» окажутся в раю.
The Bookseller

У Софи Ирвин захватывающие и самобытные тексты. Для меня ее книги
в списке обязательных покупок.
*Тейлор Дженкинс Рейд, автор бестселлера «Семь мужей Эвелин Хьюго» и
«Дейзи Джонс & The Six»*

...Ирвин проделывает фантастическую работу: даже недостатки
персонажей привлекают. Веселое непредсказуемое путешествие из городских
бальных залов в пасторальные сады вместе с такими разными героями –
остроумные диалоги, много смеха и любовь.
Publishers Weekly

Повороты сюжета, подобные быстрому встряхиванию скатерти после
чаепития, оставившего особенно много крошек, персонажи, которые плетут
интриги, строят планы и развиваются, умелые вкрапления резкости и
добродушного подшучивания – все это ставит Софи Ирвин в один ряд с
самыми успешными писателями.
Library Journal

* * *

Софи Ирвин выросла в Дорсете, позднее переехала в Южный Лондон. Много лет она изучала историческую беллетристику, начиная с диссертации, посвященной писательнице Джорджет Хейер, и заканчивая погружением в Лондон времен Регентства, когда бальные залы скорее напоминали поля сражений. Несколько лет Софи работала младшим редактором, после чего перешла на фриланс.

«Советы юным леди по безупречной репутации» – второй роман Софи Ирвин. Ее дебютная книга «Советы юным леди по счастливому замужеству» оказалась невероятно успешной – права на нее были проданы в 24 страны!

Глава 1

Харфилд-холл, 1819

– Право, Элиза, неужели так трудно пролить хоть одну слезинку? – шепнула миссис Бальфур дочери. – Этого ждут от вдовы!

Элиза кивнула, но ее глаза остались сухими, как обычно. Уж сколько лет она исполняла роль послушной дочери и покорной жены, а так и не научилась заливаться слезами по приказу.

– Не забывай, возможно, сегодня нам предстоит битва, – прошипела миссис Бальфур, обводя многозначительным взглядом библиотеку, где сидели родственники покойного графа Сомерсета.

Спустя девять месяцев после похорон все вновь собрались в Харфилд-холле, чтобы выслушать последнюю волю ушедшего. Судя по надменному выражению лиц, к сражению готовилась не только миссис Бальфур.

– Вдовья доля Элизы записана в брачном договоре: пятьсот фунтов в год, – шепотом успокоил жену мистер Бальфур. – У Сомерсета нет причин возражать, это неоспоримая часть наследства.

В голосе его звучала горечь, ибо ни он, ни миссис Бальфур до сих пор не оправились после того, как минувшей весной жизненные обстоятельства их дочери изменились столь жестоким образом. Десять лет назад венчание застенчивой семнадцатилетней мисс Элизы Бальфур и сурового графа Сомерсета (он был старше ее на двадцать пять лет) стало одним из главных событий сезона, и Бальфуры извлекли из этого союза все мыслимые выгоды. Со дня свадьбы не прошло и года, а их старший сын женился на богатой наследнице, средний получил звание капитана в десятом пехотном, и весь Бальфур-хаус был заново отделан набивным бархатом.

Никто и вообразить не мог, что граф, мужчина здоровый и крепкий, скоропостижно скончается от воспаления легких. И теперь положение Элизы, овдовевшей в двадцать семь лет, не родившей сына, который унаследовал бы титул, оставляло желать лучшего. Пятьсот фунтов в год... Люди могут прожить и живут даже на меньшие суммы, но в этом вопросе Элиза была согласна с отцом. Десять лет замужества за человеком, который был сильнее привязан к своим лошадям, чем к жене, десять лет заточения в холодном, внушающем ужас Харфилд-холле, десять лет тоски по жизни, которая у нее могла бы быть, если бы судьба распорядилась иначе... Учитывая, от чего... от кого Элизе пришлось отказаться, пятьсот фунтов в год выглядели жалкой подачкой.

– Если бы она подарила ему сына... – посетовал мистер Бальфур, кажется, в пятый раз.

– Она старалась! – отрезала миссис Бальфур.

Элиза крепко стиснула зубы и ощутила, как под столом ее руку сжала кузина – мисс Маргарет Бальфур.

Часы пробили половину первого. Собравшиеся уже полчаса ждали нового графа Сомерсета, без чьего присутствия нельзя было начинать оглашение завещания. Сердце Элизы замерло в предвкушении. Несомненно... несомненно, он скоро появится.

– Возмутительно, – проворчала миссис Бальфур с застывшей скорбной улыбкой на лице. – Он уже опоздал на девять месяцев и опаздывает сегодня. Разве это не возмутительно, Элиза?

– Да, мама, – машинально откликнулась та.

Всегда проще согласиться, хотя, уж если честно, вину за необычную задержку следовало возложить на старого графа, а не на нового. Именно старый граф оговорил условие, по которому завещание воспрещалось оглашать, пока не соберутся вместе все упомянутые в нем персоны. Новый граф Сомерсет – племянник мужа Элизы, а ранее предполагаемый наследник, капитан Кортни – находился в Вест-Индии, когда в апреле скончался его дядя. Кроме того, в восемнадцатом году морские путешествия длились чрезвычайно долго, а посему опоздание капитана Кортни было объяснимо. Утомительно, но объяснимо.

Все, кто находился сейчас в библиотеке, прождали много месяцев, и сегодняшняя задержка уже давала о себе знать: достопочтенная миссис Кортни (невестка старого графа и мать нового) не отрывала взгляда от двери, ее дочь леди Селуин недовольно барабанила пальцами, в то время как лорд Селуин, скрывая волнение, развлекал присутствующих байками, призванными напомнить, какая он важная персона.

– И тогда я сказал ему: Байрон, старина, вы просто обязаны написать эту вещицу!

Сбоку от него, в центре комнаты, сидел поверенный Сомерсета мистер Уолкот и с вымученной улыбкой перекладывал бумаги. Все изнемогали от нетерпения, но сильнее остальных терзалась Элиза. С каждым тиканьем напольных часов ее тревога достигала все более опасных высот. Прошло десять лет. Десять долгих лет. И сегодня она снова увидит его. Неужели это действительно произойдет?

«Возможно, он так и не появится».

Жизнь, полная разочарований, научила ее одному полезному качеству: всегда быть готовой к худшему. Допустим, он перепутал даты, допустим, его карета разбилась, допустим, он решил вернуться в Вест-Индию, лишь бы не встречаться с Элизой. Опаздывать – это на него не похоже, он всегда был очень пунктуальным. По крайней мере, пунктуальным был джентльмен, которого она когда-то знала. Он мог измениться.

Наконец, когда часы пробили без четверти час, дверь открылась.

– Высококочтимый граф Сомерсет, – объявил дворецкий Перкинс.

– Приношу глубочайшие извинения за опоздание, – произнес лорд Сомерсет, входя в библиотеку. – Дороги коварны после дождя.

Отклик Элизы был мгновенным. Сердце забилося быстрее, дыхание пресеклось, желудок сжался, и она встала – не из вежливости, а потому, что ее подбросила на ноги прокатившаяся по всему телу волна узнавания. Все прошедшие месяцы она представляла себе этот момент и тем не менее оказалась к нему совершенно неготовой.

– Оливер, мой дорогой! – просияв, устремила к сыну миссис Кортни, а за ней по пятам проследовала леди Селуин.

Сомерсет по очереди обнял мать и сестру.

Миссис Бальфур поцокала языком, не одобряя такое нарушение приличий, – по этикету граф должен был сначала обратиться к вдовствующей графине. Но Элизе это было безразлично. Он выглядел почти так же, как раньше. По-прежнему высок и белокур, те же холодные светлые глаза, как у остальных членов семьи, и те же спокойные, уверенные манеры – бесспорное отражение его натуры. Однако после десятилетней службы во флоте он раздался в плечах, а некогда бледная кожа загорела на солнце. Это было ему к лицу. Это было ему очень к лицу.

Сомерсет выпустил руки сестры и повернулся к Элизе. Она внезапно с ужасом осознала, что годы не были к ней столь же милосердны. Невысокая, с каштановыми волосами, эта обладательница необычайно больших темных глаз всегда считала себя похожей на некоего боязливого ночного зверька. Но сейчас она испугалась, что в своих черных вдовьих одеждах, поникшая и уставшая за последние месяцы неопределенности, напоминает крысу.

– Леди Сомерсет, – склонился перед ней граф.

Его голос тоже не изменился.

– Милорд, – откликнулась Элиза.

Пальцы ее дрожали. Она сжала в кулаках ткань юбки, приседая в нетвердом реверансе и собираясь с духом, чтобы посмотреть ему в глаза. Что она в них увидит? Гнев? Упрек? На сердечность Элиза не надеялась. Она не заслуживала доброты.

Оба выпрямились одновременно и наконец, спустя столько лет, встретились взглядами. Но в его глазах отражалось... лишь безразличие.

– Искренне вам соболезную, – сдержанно произнес он бесчувственным голосом, с выражением лица, которое можно было описать только как вежливое.

– Б-благодарю вас, – ответила Элиза. – Надеюсь, путешествие оказалось приятным?

В сущности, хорошо, что учтивые фразы сами соскользнули с языка (пусть и не без запинки), ведь в этот момент она была не в состоянии думать.

– Вполне, насколько это возможно при такой погоде, – ответил граф.

Было не понять, переживает ли он хоть что-то похожее на ту сумятицу, которая царила в голове Элизы. Он не выдал себя ни жестом, ни интонацией, казался отстраненным и равнодушным. Словно они никогда раньше не встречались.

Словно однажды он не просил ее выйти за него замуж.

– Да, – услышала себя Элиза будто издалека. – Такие скверные идут дожди.

– Воистину, – согласился он, улыбаясь.

Но это была совсем не та улыбка, с которой он прежде обращался к ней. Светская. Чинная. Притворная.

– Рад тебя видеть, старина, ей-богу, рад тебя видеть, – протягивая руку, выступил вперед лорд Селуин.

Сомерсет, чья улыбка внезапно снова потеплела, пожал руку зятя и направился дальше, на середину комнаты. Он удалялся от Бальфуров, и Элизе оставалось лишь, беспомощно моргая, смотреть ему вслед.

И это всё? После стольких лет врозь, после стольких часов, которые Элиза провела в размышлениях о том, где он, счастлив ли, в воспоминаниях о каждой встрече, в сожалениях обо всех событиях, нацеленных их разлучить, – таким стало их воссоединение? Мимолетный обмен банальностями?

Она передернула плечами. Январский холод стоял в доме с утра – требование покойного мужа не зажигать камины до наступления ночи пережило его самого, – но сейчас Элизе почудилось, что воздух в комнате заledenел. Целых десять лет их в буквальном смысле разделял океан, и все же Оливер – Сомерсет – никогда не казался ей настолько далеким.

– Может, приступим? – предложил Селуин.

Еще до того, как он женился на племяннице покойного графа, обоих джентльменов связывала близкая дружба, их поместья имели общую границу. Но по той же самой причине отношения между ними были довольно неустойчивыми. Действительно, их последняя деловая встреча перед кончиной старого графа переросла в ссору, такую яростную и шумную, что домочадцы едва не оглохли. Тем не менее, судя по энтузиазму, написанному на лице Селуина сегодня, он рассчитывал на солидное наследство.

Кивнув, мистер Уолкот разложил перед собой бумаги. Бальфуры, Селуины и Кортни наблюдали за ним, каждый со своего места, голодными волчьими глазами. Какая драматичная сценка, так и просится на полотно.

«Пожалуй, масло, яркие краски», – подумала Элиза, и пальцы ее сложились, будто держа кисть.

– Это последняя воля и завещание Джулиуса Эдварда Кортни, десятого графа Сомерсета...

Элиза отвлеклась, когда мистер Уолкот начал перечислять многие и многие причины, по которым новому графу предстояло стать человеком очень и очень богатым. У миссис Кортни, казалось, подступали к глазам слезы радости, леди Селуин прятала улыбку, но Сомерсет хму-

рился. Его устрасила обширность владений, возможно, даже удивила? Зря. Несмотря на скаредность покойного графа, Харфилд-холл являл собой подлинный храм фамильного изобилия: от фарфоровых чашек до стульев из красного дерева; от стен, увешанных рогами, шкурами и охотничьими трофеями, до пейзажей маслом, с изображением плантаций сахарного тростника, принадлежавших семье. Харфилд-холл гордился своей добычей. И благодаря нескольким коротким фразам все это перешло к новому графу Сомерсету. Он превратился в одного из самых состоятельных людей в Англии, к тому же в одного из самых завидных холостяков. С этого момента любая незамужняя леди падет к его ногам.

Но Элиза... Перед ней открывалось три пути: либо остаться в Харфилде на положении хозяйки дома при новом графе, покуда он не женится, либо переехать во вдовый особнячок на окраине поместья, либо отправиться в дом своего детства. Ни один из этих вариантов не привлекал Элизу. Ее страшила перспектива вернуться в Бальфур под недреманное око родителей. Но оставаться здесь, в непосредственной близости от человека, который с очевидностью ничего к ней не чувствует, тогда как она тосковала по нему десять лет? Это была бы изощренная пытка.

– Элизе Юнис Кортни, достопочтенной графине Сомерсет...

Услышав свое имя, Элиза даже не попыталась сосредоточиться; но, судя по тому, как удовлетворенно мистер Бальфур откинулся на спинку стула, тревога его отпустила и все произносимое мистером Уолкотом соответствовало условиям брачного договора. Будущее Элизы – как бы оно ни сложилось – обеспечено. Она представила себе это будущее – годы и годы серых, скучных будней.

– В дополнение и в знак уважения к ее послушанию и верности долгу...

Как тоскливо, когда тебя описывают в подобных выражениях, словно преданную собачонку. Но мать Элизы заметно оживилась, ее глаза алчно сверкнули – явные признаки надежды, что старый лорд оставил Элизе что-то дополнительно. Возможно, дорогое украшение из семейной коллекции.

– ...а также при условии, что она не запятнает доброе имя Сомерсетов...

Это было в его духе – решившись оставить жене какую-то безделицу, не преминул добавить оговорку о моральном облике. Так и остался скрягой до самого конца.

– ...мои поместья Чепстоу, Чоули и Хайбридж в полное и безоговорочное пользование. Элиза мгновенно насторожилась. Что сейчас сказал мистер Уолкот?!

В тихой до сего момента библиотеке стало очень шумно.

– Вы не могли бы повторить последние слова, Уолкот? Должно быть, вы прочитали неправильно! – прогремел Селуин, делая шаг вперед.

– Да, мистер Уолкот, это не может быть правдой! – пронзительно вскричала миссис Кортни, поднимаясь со стула.

Мистер Бальфур тоже подскочил и вытянул руку, словно требуя показать ему документ.

– Элизе Юнис Кортни, – безропотно повторил мистер Уолкот, – ...в знак уважения к ее послушанию и верности долгу, а также при условии, что она не запятнает доброе имя Сомерсетов, я завещаю мои поместья Чепстоу, Чоули и Хайбридж в полное и безоговорочное пользование.

– Что за нелепость! – отказывался поверить Селуин. – Джулиус должен был завещать эти земли нашему младшему сыну Тарквину.

– Мне он тоже так говорил! – вторила леди Селуин. – Он обещал!

– Доля леди Сомерсет прописана в брачном договоре, – добавила миссис Кортни. – Ничего подобного там не упомянуто!

– Разве не все земли Сомерсета наследуются вместе с титулом? – недоуменно поинтересовалась Маргарет, и на нее громко зашикала миссис Бальфур.

– Если так сказано в завещании покойного графа, если такова его последняя воля, вам негоже ее оспаривать! – заявил мистер Бальфур, не обращаясь ни к кому конкретно.

Все присутствующие словно напрочь забыли, что Элиза находится среди них.

– Поместья Чепстоу, Чоули и Хайбридж граф унаследовал по материнской линии и посему волен поступать с ними, как ему вздумается, – спокойно пояснил мистер Уолкот.

– Что за нелепость! – повторил Селуин. – Должно быть, это не тот документ!

– Заверяю вас, именно тот, – подчеркнул мистер Уолкот.

– А я говорю вам, любезный, не тот! – жарко настаивал Селуин, отбросив притворную жовиальность. – Я видел настоящий, там указан Тарквин. Я видел!

– Так и было, – подтвердил мистер Уолкот. – Но покойный граф велел мне изменить этот пункт всего за две недели до смерти.

Обычно багровая физиономия лорда побелела.

– Ваша ссора, – ахнула леди Селуин.

– Мы обсуждали ссуду, всего лишь деловой спор... – сдавленно произнес ее супруг. – Он не мог, не стал бы...

Так вот из-за чего они повздорили – Селуин попросил в долг. Элиза могла бы предостеречь его от такого глупого поступка. Видимо, Селуин оказался в отчаянном положении, ведь он точно знал, что неизлечимо скупой и чересчур гордый граф воспринимал подобные обращения к своему кошельку как беспримерную дерзость.

– Заверяю вас, по этому вопросу, как и по всем остальным, покойный граф высказался предельно отчетливо, – спокойно произнес мистер Уолкот. – Земли отходят к леди Сомерсет.

Селуин обратил свой гнев на Элизу.

– Какие ядовитые речи вы ему нашептали? – рявкнул он.

– Да как вы смеете! – раздулась от негодования миссис Бальфур.

– Селуин! – прогремел голос Сомерсета, ледяной и неодобрительный.

– Приношу свои извинения... – отступился Селуин от Элизы. – Я не хотел... прискорбная оплошность...

Запугать его жену было сложнее.

– А что насчет оговорки о моральном облике? Мой дядя объяснил более подробно, какое конкретно поведение он имел в виду?

– Не понимаю, какое это имеет значение, – заметила миссис Бальфур, – учитывая, что репутация моей дочери безупречна.

– Поскольку мой дядя счел необходимым включить это условие в завещание, полагаю, миссис Бальфур, оно имеет огромное значение, – отрезала леди Селуин.

– Не считите за проявление неуважения, – вмешалась миссис Кортни. – Леди Сомерсет знает, что мы все нежно к ней привязаны.

Ничего подобного леди Сомерсет не знала.

– Покойный граф лишь уточнил, что толкование данного условия он оставляет на усмотрение одиннадцатого графа Сомерсета, и никого другого, – сообщил мистер Уолкот.

Лорд Селуин, леди Селуин и миссис Кортни открыли было рты, чтобы заспорить, но Сомерсет остановил родственников.

– Поскольку в завещании отражено желание моего дяди, я, разумеется, не выскажу никаких возражений, – невозмутимо заявил он.

– Конечно, конечно. – Селуин с некоторым усилием частично восстановил свои мнимо добродушные повадки. – Но, дорогой мой мальчик, я думаю, нам надлежит обсудить, какого рода поведение следует определить как...

– Не согласен, – твердо возразил граф, казалось ничуть не обеспокоенный злобными взглядами родни. – И если леди Сомерсет не изменилась существенно со дней моего пребывания на британской земле, она не способна заронить и капли сомнения или неодобрения.

Элиза, покраснев, опустила глаза. Давным-давно, когда она преклонялась перед уверенностью в ней Сомерсета, ее благонравие его не устроило.

– Именно так, – удовлетворенно поддакнула миссис Бальфур.

– Но с учетом необычной природы данного условия, – продолжил Сомерсет, – полагаю, оно должно остаться строго между нами. В конце концов, никто из нас не хотел бы вызвать кривотолки.

Присутствующие согласно закивали – Бальфуры с воодушевлением, Селуины неохотно, а миссис Кортни, казалось, снова была близка к слезам.

Последовало долгое, долгое молчание.

– Какой доход приносят эти поместья? – спросил Селуин.

Мистер Уолкот быстро просмотрел свои записи.

– В среднем, – ответил он, – чуть выше девяти тысяч фунтов в год. Вместе с вдовой долей получается ежегодный доход в десять тысяч.

Десять тысяч фунтов в год.

Десять тысяч фунтов! Каждый год.

Богата!

Очень богата.

Богаче, чем леди Оксфорд или леди Пелем, знаменитые наследницы, в свое время побывавшие бриллиантом сезона; богаче, чем многие лорды с Уайтхолл. Неужели это правда? Муж всегда давал понять, что Элиза была для него не более чем источником постоянных разочарований. Во всех отношениях стоящая ниже его первой жены, при этом столь же неспособная подарить ему сына. И тем не менее злобность нрава, недовольство поведением Селуина вынудили покойного графа проявить по отношению к Элизе щедрость, какую он никогда не вызывал при жизни. Десять тысяч в год. Он сделал ее весьма состоятельной женщиной.

У Элизы возникло чувство, будто нити, привязывающие ее к обыденности, перерезаны и ее, кружа, уносит все дальше и дальше. Оглашение завещания продолжилось, но она не смогла бы повторить ничего из сказанного, отметила лишь, что чтение завершилось, когда все начали вставать, и машинально последовала общему примеру. Рефрен «десять тысяч фунтов в год» звучал в ее голове все заглушающим эхом, и она не могла думать ни о чем другом.

– Десять тысяч фунтов! – восторженно прошептала ей на ухо Маргарет, когда они покидали библиотеку. – Ты понимаешь, что это означает?

Элиза дернула головой, сама не зная, в знак согласия или отрицания.

– Все изменится, Элиза!

Глава 2

Назавтра в полдень Элиза провожала гостей на крыльце Харфилда. С ней собиралась остаться только Маргарет, ставшая после смерти графа ее компаньонкой и готовая исполнять эту роль еще две недели. Элиза не могла дождаться, когда Харфилд снова перейдет в их полное распоряжение.

Голоса родителей она слышала до их появления: мистер Бальфур громко раздавал приказы лакеям, а миссис Бальфур отчитывала горничных. Когда они вышли из дубовых дверей, Элиза глотнула воздуха, чтобы собраться с силами.

– Ты справишься, – шепнула ей Маргарет.

Через несколько часов после оглашения завещания выяснилось, что мистер Бальфур намеревается прибрать к рукам обретенное дочерью богатство. Сейчас Элизе представилась последняя возможность избавить родителей от этой мысли.

– Увидимся через несколько недель, – сказала миссис Бальфур.

– И не задерживайся, дороги станут только хуже, – распорядился мистер Бальфур.

– Я тут подумала... – осторожно начала Элиза.

– К этому времени все неотложные финансовые вопросы будут решены, – продолжила миссис Бальфур. – Не правда ли, супруг мой?

– Да, я уже поговорил с мистером Уолкотом.

Мистер Бальфур отрывисто кивнул дочери (это самое сердечное прощание, на какое он был способен) и спустился по лестнице, оставив Элизу с матерью – наиболее грозным противником.

– Я подумала, возможно... – сказала Элиза.

– Мы полагаем, тебе лучше всего назначить своим наследником сына Гектора, – оживленно заявила миссис Бальфур.

Гектор был младшим братом Элизы.

– Не знаю...

– Руперту наследство пригодилось бы больше всех, – громче заговорила миссис Бальфур, заглушая голос дочери.

Из всех избалованных проныр – отпрысков Гектора – Руперт был наихудшим.

– Но я бы предпочла...

– Мистер Бальфур все устроит, как только ты вернешься домой, – возвестила миссис Бальфур и похлопала дочь по щеке, показывая, что разговор закончен.

«Мое наследство вам не принадлежит, – могла бы сказать Элиза, если бы была храбрее. – Это не ваша собственность, которую вы могли бы тратить как вздумается, или присваивать, или держать от меня подальше».

– Да, мама, – вздохнула она, признавая поражение.

– Все решено. Итак, до свидания, скоро увидимся. И не забывай, дорогая, что ты по-прежнему графиня, не позволяй этим Селуинам тобой помыкать.

Ирония этого совета из уст миссис Бальфур не ускользнула ни от Элизы, ни от Маргарет, которая едва успела подавить смехок. Выложив последнее распоряжение, строгая леди удалилась.

– Конечно, она твоя мать и моя тетя, – пустилась в размышления Маргарет, наблюдая, как миссис Бальфур усаживается в карету. – Но если бы я увидела, что она стоит на краю обрыва над океаном и вот-вот упадет, я бы еще подумала, бросаться ли на помощь. Толкать ее я бы не стала, но совершенно точно замешкалась бы.

В отличие от Элизы, Маргарет было свойственно высказывать ровно то, что она думает, и ровно в тот момент, когда она это подумала, – черта, ставшая, по мнению родственников,

причиной того, что кузина так и не вышла замуж. Элиза наслаждалась моментом, довольная, что миссис Бальфур уже за пределами слышимости, как вдруг тихое покашливание заставило подруг обернуться. В дверном проеме стоял Сомерсет, и, судя по смеющемуся выражению лица, он подслушал весьма непочтительное замечание Маргарет. Элиза покраснела за нее.

– Ах, – проронила Маргарет без заметного беспокойства в голосе.

– Притворюсь, что я этого не слышал, – беззаботно сообщил Сомерсет.

В юности он был с Маргарет на дружеской ноге и, похоже, остался снисходительным к ее неучтивости.

– Да уж, постарайтесь, – сказала Маргарет.

Улыбка Сомерсета пробилась сквозь сдержанность, как солнце сквозь облака, и у Элизы перехватило дыхание. Но потом он повернулся к ней, и тепло исчезло так же быстро, как появилось.

– Ваш отец, миледи, уведомил меня, что вы намерены вернуться в Бальфур.

Хотя граф избегал встречаться с ней глазами, у Элизы возникло такое чувство, словно он смотрит сквозь нее.

«Взгляните на меня! – хотелось ей закричать. – Я здесь, взгляните на меня!»

Но вместо этого она ответила чуть слышно, как мышка:

– Да.

Леди не кричат, каким бы основательным ни был повод.

Сомерсет кивнул, его лицо не выдавало никаких чувств. Наверное, испытывает облегчение? Должно быть.

– Если таково ваше желание, – сказал он.

Вовсе нет. Она хотела совсем другого. Но какой у нее оставался выбор?

– Разумеется, вы можете воспользоваться для поездки любой каретой из имеющихся, – продолжил он. – И если вы решите взять с собой кого-то из домашних слуг...

– Вы очень добры, – сказала Элиза.

– Пустяки, – ответил граф, и, судя по голосу, он так и думал.

Может ли быть что-то более мучительным, чем это безразличие?

– Тем не менее примите мою благодарность, – настаивала Элиза.

Ненадолго воцарилось молчание.

– Вам нет необходимости меня благодарить, – наконец произнес Сомерсет тихо. – Это не более чем мой долг как главы семьи.

Вот что оказалось мучительнее безразличия – такое объяснение. Долг. Семья. Эти слова оставляли ожоги.

– Прощайте, моя дорогая леди Сомерсет, – пропела леди Селуин с преувеличенной сладостью, выплывая из двери. – Нет слов, чтобы передать нашу вам благодарность за гостеприимство.

– Прощайте, миледи, – даже не улыбнувшись, сказала миссис Кортни, куда менее искусная лицедейка, чем ее дочь.

– Отныне ведите себя прилично! – покачал пальцем перед носом Элизы лорд Селуин. – Вы же не хотите лишиться состояния?

– Селуин! – резко одернул его Сомерсет.

– Леди Сомерсет знает, что я просто шучу!

– Безусловно, знает, – поддакнула леди Селуин.

Она перевела взгляд с брата на Элизу, и лицо ее напряглось.

– Сомерсет, не поможешь мне сесть в карету?

– А твой муж для этого не сгодится, Августа? – мягко предложил граф. – Мне нужно обсудить с леди Сомерсет несколько вопросов.

Леди Селуин ужалила Элизу взглядом, словно та была во всем виновата, и неохотно удалилась вместе с мужем и матерью.

– На следующие две недели я уезжаю в город, – обратился Сомерсет к Элизе. – Если вам понадобится помощь, пожалуйста, пишите мне не колеблясь.

Она кивнула.

– Доброго дня, леди Сомерсет, – сказал граф, склоняясь над ее рукой.

– Лорд Сомерсет, – откликнулась она.

Была какая-то мрачная ирония в том, что теперь они носили одно имя. Жестокая насмешка судьбы над тем, что могло бы их соединить, если бы мать Элизы не стремилась так рьяно раздобыть для дочери титул... и если бы сама Элиза не сдалась так послушно перед материнской волей.

Когда Сомерсет выпрямился, их взгляды встретились. И то ли он ослабил бдительность теперь, когда собрался уезжать, то ли его ошеломила внезапная близость собеседницы, но маска невозмутимости соскользнула с его лица. На смену вежливому выражению пришло подавленное, даже страдальческое, а затянута в перчатку рука судорожно сжала ладонь Элизы. И она наконец ощутила, что ее по-настоящему видят.

Не просто смотрят сквозь нее, как на постороннюю, незнакомку, не измеряют взглядом, как неудобное препятствие, разобраться с которым велит долг, – но видят. Она – Элиза, он – Оливер, два человека, некогда знавшие друг друга настолько близко, насколько это возможно. И хотя пролетело не больше двух секунд, двух учащенных ударов пульса, Элизе почудилось, будто чьи-то пальцы проникли ей прямо в грудь и стиснули сердце.

– Сомерсет! Поторопись, старина!

И мгновение ушло. Оливер уронил ее руку, словно она его обожгла.

– Прощайте, мисс Бальфур, – поспешно произнес он. – Был рад увидеть вас обеих, хоть и желал бы, чтобы это случилось в более благоприятных обстоятельствах.

Он проворно сбежал по ступенькам и сел в карету.

– И я тоже, – прошептала Элиза, обращаясь к пустому пространству, оставленному графом после себя.

Как всегда, ответила запоздало.

– Вернемся в дом? – тихо предложила Маргарет, внимательно наблюдая за кузиной.

Подруги отправились в гостиную на втором этаже. Эта комната была наименее величественной во всем доме – драпировки поела моль, парчовая обивка выцвела. Но Элиза любила ее больше остальных, ибо на стене там висел морской пейзаж, написанный ее дедушкой. Он был художником высочайшего таланта, довольно знаменитым. Картину, изображавшую крохотную лодочку в холодном, непостижимом океане, привезла в Харфилд предыдущая графиня. Элиза находила в этом пейзаже утешение. Несокрушимое напоминание о тех золотых днях, которые она проводила в обществе дедушки, учась рисованию, – о простой поре детства, когда ее юбки были короче, а волосы распущены, когда она наивно верила, что пойдет по дедушкиным стопам и станет художницей.

– Могу я предложить вам чаю, миледи? – тихо спросил Перкинс.

– Думаю, нам нужно что-то значительно крепче чая, – провозгласила Маргарет, сбрасывая с головы кружевной чепец, а с ног атласные туфельки. – Капельку бренди, с вашего позволения!

Даже если Перкинса удивила такая не приличествующая леди просьба, он и бровью не повел. Ушел и довольно быстро вернулся, неся на подносе лучший коньяк покойного графа.

– Спасибо, – сказала Элиза, когда он налил обоим по дамской порции напитка.

Ей будет недоставать Перкинса после отъезда в Бальфур.

– Роскошно! – согласилась Маргарет.

Однако, стоило дворецкому удалиться, она потянулась к хрустальному графину и щедро наполнила бокалы до краев.

Больше всех Элизе будет не доставать Маргарет. Последние девять месяцев заточения в стенах Харфилда на самый строгий период траура показались бы бесконечными, если бы родственники не прислали к ней Маргарет составить компанию. Столь близкое соседство кузины и ближайшей подруги принесло неожиданную радость после десяти лет разлуки, но теперь...

– Поднимем тост за неизбежное возвращение в объятия наших любящих семей? – спросила Элиза, принимая бокал.

– Конечно нет, – ответила Маргарет. – Я считаю, это ужасная мысль.

– Знаю, – вздохнула Элиза, поскольку подруга высказала свое мнение весьма прозрачно. – Но я не могу здесь остаться. Он был безупречно учтив, но, пожалуй, я предпочла бы враждебность такому безразличию.

Не было необходимости пояснять, кого она подразумевает под словом «он».

– Десять лет прошло, – заметила Маргарет. – Не можешь же ты по-прежнему...

Элиза отпила из бокала. Бренди обжег горло.

– Понимаю, это глупо. Но когда я увидела его снова...

Она вспомнила удар, сотрясший и тело ее, и душу, когда Сомерсет переступил порог библиотеки.

– Меня словно молния поразила, – продолжила она и зарделась оттого, что столь высокопарно выразила вслух свои чувства.

– Как неприятно, – заметила Маргарет. – Я даже рада, что никогда в жизни не влюблялась. Он остался таким, каким ты его запомнила?

– Лучше, – угрюмо откликнулась Элиза. – На самом деле он неоправданно привлекателен. Неужели не мог вернуться хоть немного уродливее?

– Ты уверена, что он привлекателен? Может, просто очень высок? Я часто замечала, что люди путают эти качества.

– Уверена, – ответила Элиза, снова отпивая бренди.

– Вдовый особнячок далековато от Харфилда, – напомнила Маргарет. – Живя там, ты с легкостью могла бы избегать общества графа. Неужели это было бы так уж невыносимо?

Элиза покачала головой:

– Влачить жалкое существование на задворках его жизни? Вечно сожалеть, что не стала ее частью, а он тем временем добьется успеха, женится, обзаведется детьми с другой женщиной? Нет, я не могу.

Тем не менее, в очередной раз обдумав альтернативу – жизнь в Бальфуре рядом с матерью, – она содрогнулась.

– Но вернуться к родителям, которые примутся меня донимать и запугивать... – сказала она. – Боюсь... боюсь, я просто исчезну. От меня и так немного осталось, я не выдержу.

– Ты и правда была настолько несчастна в последние годы? – тихо спросила Маргарет.

Элиза не ответила. В еженедельной переписке с Маргарет и во время редких встреч она не посвящала подругу в подробности своего замужества, не желая, чтобы та решила, что Элиза избаловалась или преувеличивает свои страдания. И по правде говоря, хотя она не выбрала бы себе в мужа такого, как покойный граф, хотя положение графини Сомерсет не доставляло ей удовольствия, эти годы были не совсем лишены приятности. Просто так сложилось, что, проводя жизнь в попытках умиловить человека, чьей естественной склонностью было порицание, Элиза научилась самостоятельно находить маленькие наслаждения, тихие радости. До тех пор пока не начала беспокоиться, не стала ли она сама такой маленькой и тихой, что превратилась в мелкую, ничтожную вещицу, которую легко могут убрать в шкаф вместе с посудой и оставить там до следующего раза, когда потребуется украсить стол.

– Нет смысла тревожиться по этому поводу, – ответила Элиза после паузы. – Я вернусь в Бальфур. Другого выбора у меня нет.

«Какое же я жалкое, неприкаянное создание», – подумала она с тайной надеждой, что кузина произнесет утешительные слова и погладит ее по голове.

– Должна сказать, по-моему, это был бы чертовски глупый поступок, – ехидно заметила Маргарет.

Таких слов Элиза от нее не ожидала.

– Что, прости?

– Забыла, что теперь ты одна из самых богатых женщин в Англии?

Маргарет выпрямилась и осуждающе взмахнула рукой. Элиза следила за жестиком с некоторым беспокойством, опасаясь, как бы не пострадала стоящая поблизости и очень дорогая ваза эпохи Мин.

– Не забыла. Но разве это что-то меняет, Маргарет? Я по-прежнему в западне.

– От богатства не будет никакого проку, если ты собираешься сдать на чужую милость, – сказала кузина, качая головой.

– Но куда еще я могу пойти? – требовательно спросила Элиза.

Она думала, Маргарет ее поймет.

– Да куда угодно! – воскликнула подруга. – При таком-то состоянии можешь вообще зажечь своим домом. Эта мысль не приходила тебе в голову?

По правде говоря, не приходила. Миссис Бальфур говаривала, что незамужние женщины, ведущие самостоятельное хозяйство, либо очень эксцентричны, либо очень немолоды, либо то и другое вместе. Элиза не относилась ни к одной из этих категорий.

– Маргарет, это несерьезно.

– Предельно серьезно.

– Но что я буду делать?

– Да все что хочешь, Элиза! – заявила Маргарет. – Неужели ты настолько угнетена, что у тебя не осталось никаких желаний?

Элиза уставилась на подругу, потрясенная ядом, сочившимся из ее интонаций.

– Не осталось никаких желаний? – переспросила она. – Никаких желаний? Маргарет, число моих желаний... бесконечно.

– Вот как? – спросила кузина с таким сомнением, что Элиза начала терять самообладание.

– Именно так, – подчеркнула она. – Я хочу носить платья, которые выбрала сама, – надоело ходить замухрышкой. Я хочу рисовать целыми днями, если мне вздумается. И я хочу легкомысленно тратить деньги, не оглядываясь ни на что.

Она уже не могла остановиться, слова полились из нее потоком:

– Я хочу, чтобы камин разжигали днем, хочу ходить, куда только пожелаю, и превыше всего... превыше всего, Маргарет, я хочу, чтобы моим мужем был тот, кого я люблю, а не тот, кого мне предписывает долг. Но не сложилось. И ничто не может это изменить, поэтому прости меня, если, всю жизнь получая отказ в малейших своих желаниях, я снова сдаюсь на чужую милость.

Элиза сердитым жестом смахнула слезы с глаз. Предписание миссис Бальфур, чтобы она расплакалась, наконец исполнилось, но слишком поздно и без всякой пользы.

– Что же, – помолчав, сказала Маргарет, – допустим, всего этого тебе достичь не удастся, но если ты заведешь собственное хозяйство, то определенно можешь попытаться...

– Они мне никогда не позволят, – перебила ее Элиза. – Я вдова на первом году траура. Правила...

– Э-ли-за! – возразила Маргарет, чеканя каждый слог. – Ты больше не мисс Бальфур, скромная серая мышка. Ты графиня! В твоём владении десять тысяч акров земли. Ты богаче, чем вся наша семья, вместе взятая. Разве не пришло время нарушить правила?

И снова Элиза поняла, что смотрит на Маргарет круглыми глазами. Все сказанное подружкой было верным, но то, как она преподнесла факты... Создавалось впечатление, что теперь Элиза обладает какой-то властью. Этого не могло быть.

– Тебе наконец выпал шанс обрести свою собственную жизнь, – настаивала Маргарет. – Для меня невыносима мысль, что ты растратишь ее понапрасну. О, я бы сделала что угодно, лишь бы получить такую перспективу!

Она подалась вперед, стиснув руки, и внезапно Элизе захотелось, чтобы богатство досталось кухне, а не ей самой. Маргарет – храбрее ее, умнее и, конечно, бойчее на язык – воспользовалась бы такой возможностью в полной мере. Кроме того, она этого достойна. Маргарет заслуживала большего, чем та жизнь, которую она вела (вот уж действительно в западне!), – незамужнюю, никем не замечаемую, никому не интересную. Ее отправляли присматривать за новорожденными детьми родственников. В семье не произносили этого вслух, но Элиза знала: Маргарет считали никчемной, вышедшей в тираж старой девой. Это было нечестно.

Несправедливость такого отношения обожгла Элизу сильнее, чем бренди.

«Послушная и верная долгу» назвал ее муж в завещании. «Не способна заронить и капли сомнения или неодобрения», – заявил во всеуслышание Сомерсет. Такой ее всегда видели окружающие. Именно по этой причине покойный граф выбрал ее в жены, предположив, что робость Элизы является доказательством ее податливости. И за все годы замужества она ни разу не дала повода в этом усомниться. Но, пожалуй, Маргарет права. Пожалуй, теперь ей представилась возможность. Пожалуй, возможность представилась им обоим.

– В одиночку я не справлюсь, – задумчиво произнесла Элиза. – Жить одной – это верх неприличия.

– Общество перенасыщено старыми девами и вдовами, которых ты могла бы пригласить в компаньонки, – ответила Маргарет, мгновенно отметая довод. – Любая респектабельная дама прибавит тебе весу. Я бы сама к тебе присоединилась, но Лавиния снова ждет ребенка.

– Лавиния – злюка, – заметила Элиза.

– Но очень плодovitая злюка. Как только родится ребенок, я ей потребуюсь. Моя мать будет настаивать, чтобы я поехала, и тогда все закончится. Тебе придется справляться без меня. Без Маргарет решимость Элизы рассыплется в прах за неделю.

– Когда ожидается рождение ребенка? – спросила она.

– В середине апреля, если все будет хорошо, – ответила Маргарет и задумчиво посмотрела на подружку. – Впрочем... до этого времени я Лавинии не понадобится.

– Если я напишу твоей матери, – начала Элиза, – и умолю ее разрешить тебе остаться со мной еще на три месяца...

– Ровно до рождения ребенка, – подхватила Маргарет, и ее губы начали расплываться в улыбке. – Лишних три месяца – не такая уж неподъемная просьба.

Они помолчали.

– Мы должны быть очень и очень осторожны, – сказала Элиза.

Откровенная улыбка освещала теперь лицо кухни.

– Я серьезно, Маргарет, – продолжила Элиза. – Если Селуины унюхают хотя бы слабый запах небрежения приличиями, они немедленно поднимут визг насчет оговорки о моральном облике. Нам необходимо сочинить причину, почему мы не едем в Бальфур, – такую причину, которая устроила бы всех.

– Куда поедет? – поинтересовалась Маргарет. – В Лондон?

– Лондон... – мечтательно протянула Элиза.

Она почти не посещала столицу со времени своего первого (и единственного) светского сезона. Сейчас она представила себе, как живет там с Маргарет, как они, свободные и независимые, любят произведения искусства и ходят по музеям сколько вздумается. В мае

Королевская академия художеств устраивает Летнюю выставку – Элиза не бывала там с семнадцати лет. Впрочем, не получится.

– Пока я ношу полный траур, в Лондон нам нельзя, – сказала она. – Нас немедленно осудят.

– Тогда в другой город, – предложила Маргарет. – Такой, где достаточно развлечений, чтобы нас занять, даже если ты не можешь посещать светские сборища. Как насчет Бата?

Бат. Элиза обдумала эту идею.

– Да, – решила она наконец. – Полагаю, развлечения там тихие и скромные, а еще я могу сказать, что доктор прописал мне тамошние воды для укрепления здоровья. Никто и не догадается, что это ложь.

– Я буду ходить по библиотекам, посещать концерты, встречу новых интересных людей, – мечтательно произнесла Маргарет.

– Верно, – подхватила Элиза. – А я... я...

Она запнулась, в душу проникли сомнения. Перед ее мысленным взором мгновенно предстала миссис Бальфур, пронзающая ее недовольным взглядом, и она поникла перед лицом этого осуждения. Мать будет очень и очень разочарована. Как и отец. Элиза прикусила губу и подняла глаза к висевшей на стене картине дедушки – крохотной отважной лодочке, что держалась на воде лишь благодаря невероятному напряжению сил. Маргарет издала мягкий, ободряющий звук – такими успокаивают испуганную лошадь, – и Элиза сделала глубокий-глубокий вдох.

– А я превращусь в... модную леди? – предположила она.

– Да! – немедленно согласилась подруга.

– И буду рисовать, – добавила Элиза уже тверже.

– Хоть весь день, если тебе заблагорассудится.

– И... и никогда больше не выйду замуж по велению долга, – сказала Элиза; в горле у нее внезапно пересохло. – Теперь это... это для меня в прошлом.

Маргарет, сидевшая напротив, подняла бокал.

– Вот такой тост мне нравится! – воскликнула она. – За Бат!

Глава 3

За свои двадцать семь лет Элиза почти никогда не совершала ничего такого, что могло бы оскорбить, отвратить или хотя бы удивить высший свет. А посему побег из Харфилд-холла представлялся ей особенно волнующим. Хотя подруги продумывали его две недели и извещали в письмах всех членов семейства Бальфур, хотя им предстояло путешествовать в надежном экипаже Сомерсетов, Элизой все равно владело такое чувство, будто она совершает нечто противозаконное, нечто сродни головокружительной скачке в деревню Гретна-Грин для тайного венчания.

– Ты сегодня опять получила письмо от матери? – спросила Маргарет, когда они садились в экипаж.

Их сопровождала Пардл – горничная Элизы. Поскольку путешествие предстояло недолгое (меньше двадцати миль), а февральское утро выдалось ясным, Элиза выбрала для поездки в Бат ландо, чтобы пассажирки могли подставить лица теплым солнечным лучам. Багаж они отправили заранее под присмотром Перкинса и еще двух горничных – только этих слуг Элиза и взяла с собой. Лишив Харфилд дворецкого – чего она не сделала бы, если бы Перкинс сам об этом не попросил, – графиня испытывала чувство вины и потому не решилась заявить права на большее количество слуг.

– Ну а по прибытии нас будет ждать еще одно письмо, – сказала Элиза.

Как и следовало ожидать, никто из клана Бальфуров не обрадовался их решению, но при деятельной поддержке Маргарет и под прикрытием вымышленной рекомендации доктора Элиза осталась непреклонной. И когда ни одно из писем миссис Бальфур (тон которых колебался от возмущенного до умоляющего) не возымело действия, Маргарет получила, пусть и неохотное, разрешение сопровождать Элизу, пока не родится ребенок Лавинии.

– А что слышно от Сомерсета? – спросила кузина.

Элиза не ответила, притворившись, что расправляет на сиденье юбки. В ноги беглянкам положили горячие кирпичи, колени накрыли пледами – этого было достаточно, чтобы с комфортом добраться до деревни на полпути, где они намеревались сделать остановку и подкрепиться. Элиза надела в поездку свое самое теплое (и самое невзрачное) платье: очередное черное одеяние с длинными рукавами и высоким воротом. Сверху накинула толстый шерстяной плащ, а на голову нацепила громоздкий капор, мешавший смотреть по сторонам.

– Ты ему так и не написала? – догадалась Маргарет. – Элиза!

– Я напишу! – пообещала та, защищаясь.

Конечно, одобрение Сомерсета было не менее значимым, нежели согласие миссис Бальфур, ибо только он обладал властью лишить Элизу наследства. Однако она десяток раз бралась за перо и не находила в себе сил начертать хоть одно слово. Как, скажите на милость, составить формальное послание джентльмену, с которым вы некогда обменивались любовными письмами?

– Напишу ему, как только приедем, – поклялась Элиза.

Она бросила последний взгляд на Харфилд во всей его подавляющей громадности. Отчетливо, как наяву, вспомнила чувство тревоги, которое пробудилось в ней, когда она прибыла сюда впервые – семнадцатилетняя девушка, дрожащая от испуга, что ее здесь могут убить. Но она выжила и покидала теперь это место не боязливой мисс Бальфур, не застенчивой графской женой, а независимой леди Сомерсет.

– Пора отправляться, Томли, – велела она со всей властью, на какую была способна.

Коляска бодро, слегка раскачиваясь, двинулась в путь. Постоянный кучер Элизы заболел, а Томли, который был намного моложе, весьма небрежно обращался с поводьями. Элиза

поморщилась, когда повозка подпрыгнула на ухабе. Остается лишь радоваться, что ни она, ни Маргарет не подвержены морской болезни.

– Чем бы ты хотела заняться в первую очередь? – спросила Элиза у спутницы, открывая папку с рисунками.

Всякая благовоспитанная барышня должна была развивать те или иные умения, однако благодаря своему деду, уважаемому члену Королевской академии художеств, Элиза получила расширенное образование в области живописи, что было довольно необычно. Впрочем, никакое образование не помогло бы ей рисовать сейчас – в ландо, подпрыгивающем на каждом ухабе и пригорке.

– Увы, нас сурово ограничивает строгость твоего траура. Не то чтобы я тебя в этом обвиняла, конечно...

– Благодарю за понимание, – откликнулась Элиза, размышляя о своем.

Может, посоветовать кучеру ехать помедленнее? Это было первое значительное путешествие, в которое она отправилась без отца или мужа; раньше распоряжения отдавал тот или другой. И сейчас она не знала, стоит ли ей вмешаться и в какой степени. Дорога заметно сузилась – наверное, неразумно мчаться так быстро?

– ...но все равно возможностей перед нами открывается немало. Разумеется, Сидни-Гарденс и Галерея-бювет... Послушайте, Томли, поосторожнее!

Впереди на дороге прямо перед крутым поворотом показалась большая выбоина. Томли резко дернул лошадей вправо, чтобы ее объехать, и в этот момент из-за поворота с грохотом выкатилась почтовая карета. Столкновение было одновременно стремительным и замедленным: Томли попытался развернуть упряжку, в то время как кучер встречной кареты изо всех сил тилился остановить свою, но оба опоздали – соприкосновение было неизбежно. Тошнотворно взвизгнули ударившиеся колеса, в воздух полетели деревянные щепки, Элиза и Маргарет отчаянно схватились друг за друга, коляску отбросило в сторону, из нее посыпались подушки, пледы и ридикюли пассажиров.

Ландо покачнулось раз-другой, готовясь окончательно упасть набок... но с оглушительным грохотом все же встало на четыре колеса. Оба экипажа замерли, и наступила тишина – если не считать комично мирного щебета птиц на деревьях.

– Ты цела? – выдохнула Элиза.

– Кажется... кажется, да, – отозвалась Маргарет, поднимая руки, чтобы поправить съехавший капор.

– Пардл? Томли?

– Да, миледи, – прошептала горничная, сжимая край коляски побелевшими пальцами.

– Мои извинения, миледи, мои извинения, – зачастил Томли, спрыгивая с ландо, чтобы успокоить испуганных лошадей, которые закатывали глаза и роняли пену с губ.

Кучер другой кареты тоже занялся упряжкой.

Элиза безотчетно ощущала себя, словно пытаясь убедиться, что цела. Каким-то чудом она и Маргарет не пострадали, но кузина побледнела, отчего более отчетливо проявились веснушки, а саму Элизу била сильная дрожь.

В наступившей тишине раздался скрип открываемой дверцы, и из встречной кареты вышел мужчина – высокий, смуглый, с темными кудрями. В отличие от Элизы и Маргарет, чья одежда пришла в беспорядок, незнакомец своим обликом не обнаруживал признаков того, что пережил столкновение. Исключением была шляпа, сдвинутая набекрень под углом, уже не столько лихим, сколько опасным. Незнакомец обвел всех взглядом, выразившим легкое удивление: сначала кучера, потом ландо и в последнюю очередь – пассажиров.

– Вы намеревались меня ограбить? – спросил он больше с любопытством, нежели с тревогой. – Сейчас крикнете: кошелек или жизнь?

Элиза недоуменно уставилась на него. Может, она повредила голову во время столкновения?

– Н-нет, безусловно, нет! – заикаясь, выпалила она.

– Вы намеревались меня убить? – допытывался он.

– Конечно нет! – запротестовала Элиза.

Что, ради всего святого?..

– Тогда какого дьявола вы тут устроили? – сказал джентльмен, хмуря брови. – Я, знаете ли, предавался мирному сну.

Элиза уставилась на него, утратив дар речи. Кто, святые угодники, этот человек? Оттенок его кожи предполагал индийское происхождение, что было весьма необычно для сельской местности, а нанятая почтовая карета свидетельствовала о солидном достатке. Видимо, богатый торговец на пути в ближайший город? Но торговец не обратился бы к ней в такой манере.

– Мы же не нарочно! – негодуя воскликнула Маргарет.

– Он гнал слишком быстро, милорд! – успокоив лошадей, обвиняюще указал перстом на Томли кучер незнакомца.

– И ты тоже! – огрызнулся Томли.

– Может, согласимся, что виноваты оба? – поспешила предложить Элиза, пока страсти не разгорелись жарче.

– Этот вердикт представляется мне несколько преждевременным, – возразил джентльмен.

Уголки его губ начали подниматься в улыбке, как если бы его одолевало искушение счесть инцидент довольно забавным.

– Разве суд не должен тщательно рассмотреть все обстоятельства, прежде чем вынести приговор? – спросил он.

– Я рада, что вы находите это происшествие столь занятным, сэр! – едко заметила Маргарет.

– Так и есть, нахожу, – подтвердил незнакомец. – Чувство юмора воистину величайшее из сокровищ, коими обладает человек.

Словно в тумане, Элиза подняла руку поправить капор. Это ничуть не походило на то безмятежное путешествие, которое она планировала, и если бы слезы могли помочь делу, она бы уже расплакалась. К этому моменту путешественницы должны были достичь Радстока и ожидать подкрепляющей трапезы, а вовсе не стоять в этой глуши, беседуя со странным джентльменом, чье поведение было столь необычным, что граничило с безумием.

– Томли, – позвала она, – мы можем ехать дальше?

Кучер покачал головой.

– Спицы на левом колесе сломались, – уведомил он, окидывая упомянутый предмет придирчивым взглядом. – Но не волнуйтесь, миледи, до Радстока всего три мили. Я возьму лошадь и съезжу туда за каретником. Мигом обернусь.

– И оставите нас здесь? – спросила Маргарет.

Даже если бы Элиза не носила траур, совершенно неприлично стоять беззащитными и без средства передвижения на открытой дороге. Но какой у них был выбор? Элиза подняла глаза к небесам.

Она не расплатится. Она не расплатится. Но почему именно в тот день, когда она решила начать новую жизнь, нужно было случиться такому несчастью?

– Возможно, мое вмешательство непозволительно, – нарушил ее терзания незнакомец.

Его голос по-прежнему выдавал легкое веселье, что разозлило Элизу.

– Но моя карета, – сказал он, – кажется, совершенно не пострадала. Мне больно на это намекать, однако так и есть. Могу я предложить дамам свои услуги и доставить вас в... как это называется: Радстон, Радастаун?.. где вы могли бы согреться?

Это было соблазнительно, и, обдумывая его слова, Элиза вздрогнула от холода, словно ее тело соглашалось с незнакомцем.

И все же она помотала головой:

– Очень любезное предложение, сэр, но я не могу его принять.

– Да, очень любезное, – согласился джентльмен. – И боюсь – умоляю, не расцените как неучтивость, – я вынужден настаивать. Я не могу бросить вас на дороге.

– Но вам придется, – не сдавалась Элиза.

– Не могу, – сказал он. – Это противоречило бы кодексу чести джентльмена, каковой нас заставили выучить наизусть в Итоне. «Непозволительно оставлять благородных дев на дороге, дабы их не пожрали медведи».

Элиза засомневалась, не получила ли она сотрясение мозга.

– В Англии нет диких медведей, – напомнила незнакомцу Маргарет.

– Расскажите об этом в Итоне, – мрачно откликнулся он.

– Мы вас не знаем, – сказала Элиза. – Нам не подходит ехать с вами.

– Право, это затруднение легко разрешается, – уведомил ее джентльмен, отвечив торжественный поклон. – Меня зовут Мелвилл.

Маргарет снова вздрогнула. Томли издал вполне различимый придушенный звук.

Ох! Разумеется!

Мелвиллы были одним из старейших родов британской аристократии. Каждое следующее поколение, похоже, стремилось затмить предыдущее стараниями обесчестить семейное имя. Седьмой граф, Безумный Джек, прославился тем, что растранил все состояние в карты. Восьмой граф сбежал из дома, как только ему исполнилось восемнадцать, и десять лет спустя вернулся с женой – представительницей знатной индийской семьи. Поддерживая фамильные традиции, девятый, нынешний граф Мелвилл еженедельно поставлял грязным газетенкам материалы для сплетен о своих любовных похождениях. Кроме того, он и его сестра вошли в известность благодаря литературным талантам: леди Каролина – за политический роман, лишь отчасти вымышленный, а Мелвилл – за поэмы, околдовавшие великосветских дам.

Элиза окинула Мелвилла взглядом и пришла к выводу, что он определенно красив и хорошо сложен (как его часто описывали), пусть и не носит на боку (как она всегда воображала) абордажную саблю. А еще отметила, что, хотя одет он был скорее буднично, чем нарядно, тем не менее изысканный покрой его костюма для верховой езды, сияние сапог и высокая тулья касторовой шляпы провозглашали принадлежность их владельца к бомонду. Она снова перевела взгляд на лицо собеседника и по тому, как он вскинул брови, сообразила: еще не успев оправиться от потрясения, она даже не попыталась завуалировать пристальное внимание к его особе.

– Итак? – раскинул руки Мелвилл, словно приглашая к дальнейшему осмотру.

Элиза вспыхнула.

– Вы принимаете мое великодушное и щедрое предложение? – спросил он.

– Миледи, если позволите... не думаю, что это уместно, – тихо прошипел Томли.

Пардл яростно кивнула в знак согласия.

Элиза замешкалась в совершеннейшей растерянности. С одной стороны, конечно, было крайне нежелательно появиться на людях в обществе столь прославленного повесы (кто-то мог бы даже назвать его распутником). С другой стороны, в той же мере нежелательно было сидеть здесь, на дороге, и мерзнуть несколько часов в ожидании Томли. Она взглянула на Маргарет, та едва заметно беспомощно пожала плечами. Значит, выбор за Элизой.

– Его сиятельство покойный граф не захотел бы... – процедил сквозь зубы Томли, и его вмешательство внесло необходимую определенность.

– Однако его сиятельства здесь нет, – отрезала Элиза. – Решать мне, и... и я не намерена ждать ни минутой дольше. Томли, будьте добры, помогите нам выбраться из коляски, а далее можете заняться лошадьми и обеспечить услуги каретника.

– Позвольте мне, – предложил Элизе руку Мелвилл.

Без промедления обе леди и Пардл переместились в его восхитительно уютную карету. После недолгой заминки Мелвилл последовал за ними, протянул Элизе покрытую брызгами грязи папку с рисунками и устроился на сиденье напротив.

Экипаж сдвинулся с места. Повисла тишина, женщины рассматривали графа. Элиза ломала голову в поисках темы для разговора, но так ничего и не придумала.

К счастью, Мелвилл был более чем способен начать беседу.

– Куда вы направлялись, леди? – вежливо поинтересовался он.

– В Бат, – ответила Маргарет. – Мы переезжаем туда до окончания траура моей кузины.

– О, понимаю... примите мои соболезнования, – сказал Мелвилл.

Элиза до сих пор не определилась, как ей отвечать на изъявления сострадания. Изображать убитую горем вдову, тогда как ее истинные чувства настолько не соответствовали ожиданиям общества? Это было бы безвкусно. Но и выказывать полное равнодушие тоже нельзя – его сочтут неподобающим.

– Благодарю, – произнесла она после недолгого молчания. – А куда лежит ваш путь, милорд?

– В разнообразных направлениях, – откликнулся он. – Сегодня, конечно, не совсем в том, которое меня бы устроило... Итак, вы художница, миледи?

Элиза не сразу поняла смену темы, пока не заметила, что граф смотрит на папку.

– Я бы не стала описывать себя в столь возвышенных выражениях, – ответила она.

– Но почему? – сказал он. – У вас очевидный талант.

– Откуда такое предположение? – удивилась Элиза.

– Папка раскрылась, – пояснил Мелвилл. – Я не сдержался и взглянул. Вы передали черты вашей...

Фраза прозвучала с вопросительной интонацией, после чего он умолк, и Элиза вспомнила, ужаснувшись, что они не представились.

– Ах, простите! – сказала она, покраснев. – Я леди Сомерсет, а это моя кузина мисс Бальфур.

Мелвилл наклонил голову:

– Вы очень точно передали черты мисс Бальфур.

Не зная, что на это ответить, Элиза предпочла сменить тему:

– Мы в восторге от вашей поэзии, милорд.

Должно быть, ему это говорили тысячи раз, но Элиза не обладала достаточным литературным слогом, чтобы предложить более содержательный комплимент.

– Как чудесно услышать это от вас, – учтиво ответил он.

– С нетерпением ждем следующей вашей книги, – добавила Маргарет лстивым тоном. – Уже известно когда?..

Мелвилл опубликовал «Персефону» в семнадцатом году, а «Психею» в восемнадцатом. Обе книги были романтизированным переложением античных текстов. Все, как на горячих углях, предвкушали следующее его произведение.

– Сдается мне, ваша лесть – просто уловка, чтобы вызвать меня на откровенность, – откликнулся Мелвилл. – Но боюсь, мне нечем вас порадовать. Я пока не написал ничего нового.

– Почему? – спросила Элиза, не успев остановить себя, – дерзость, о которой она немедленно пожалела, ибо собеседник снова вскинул брови.

– Вдохновение меня избегает, – коротко ответил он.

– Но может быть, вас вдохновит сегодняшнее приключение, – лукаво предположила Маргарет. – И мы обнаружим, что следующая книга начинается со столкновения карет. Или колесниц, если угодно.

Элиза послала кухне неодобрительный взгляд. Неужели она не видит, что Мелвилл не хочет обсуждать эту тему? Но кажется, поддразнивания Маргарет устраивали его больше, чем вопросы Элизы.

– Даже столкновения колесниц слишком прозаичны для моих героинь, – весело сообщил он. – Пожалуй, после столкновения их должен спасти от кровожадной толпы древний воитель. Простите ли вы, о прекрасная светлейшая дама, такую художественную вольность?

Он смотрел на Элизу. Его губы изогнулись в улыбке, брови приподнялись в игривом вопросе. Элиза устремила на собеседника недоуменный взгляд. Он с ней флиртует? Не может быть. Казалось, он словно предполагал, что Элиза способна извлечь из воздуха столь же остроумную, или кокетливую, или хотя бы занимательную ремарку, но увы...

– Я не прекрасная дама, и волосы у меня не светлые, – не сразу нашлась она с ответом.

– Как скажете, – согласился Мелвилл. – Впрочем, простите, что я не смог разглядеть под таким... э-э-э... величественным головным убором.

Он указал на капор. Элиза вспыхнула, как никогда остро ощутив, насколько она невзрачна.

По крыше кареты постучали, и пассажиры подняли глаза.

– Очевидно, мы въехали в этот Радастаун, – заметил Мелвилл.

– Примите от нас благодарность за помощь, – сказала Элиза, давая понять, что знакомство на этом заканчивается.

– Вам так просто от меня не избавиться, миледи, – легкомысленно заверил граф. – Я сопровождаю вас внутрь, чтобы убедиться, что вы благополучно устроены на то время, пока ваш слуга ищет мастера.

Карета остановилась, и Мелвилл сделал движение, собираясь выпрыгнуть.

– Нет-нет, – торопливо возразила Элиза.

Какую бы благодарность за спасение она ни испытывала, было бы весьма неумно показаться на глазах у всего Радстока в обществе неженатого мужчины, особенно со столь легендарной репутацией.

– Нам не следует вас долее задерживать. Мы вполне в состоянии сами все устроить, – заявила она.

Мелвилл послал ей задумчивый взгляд.

– Очень хорошо, – сказал он, откидываясь на спинку сиденья. – Если так для вас предпочтительнее.

Маргарет открыла дверцу, и слуга бросился на помощь.

– Я надеюсь... – добавила Элиза, пока Маргарет и Пардл выбирались из кареты, – надеюсь, мы можем рассчитывать, что вы проявите... сдержанность и сохраните в тайне сегодняшние события.

Мелвилл снова вскинул брови.

– По-вашему, я похож на болтуна? – мягко спросил он, и внезапно Элиза отчетливо поняла, что оскорбила его.

– Н-нет, просто... – произнесла она, заикаясь.

– Уверяю вас, миледи, если на этой неделе в некоей газетенке появятся сплетни обо мне, то совсем не по поводу столь скучного происшествия, как сегодняшнее.

В его голосе прозвучали резкие нотки. Элиза вспыхнула и торопливо оперлась на руку слуги. Мелвилл захлопнул за ней дверцу.

– Хорошего дня, – бросил он через окно. – И благополучного путешествия.

Кучер подстегнул лошадей прежде, чем Элиза успела ответить.

– О боже, – ошеломленно выдохнула она.

– Напишу сестре, как только приедем в Бат, – сияя от радости, заявила Маргарет. – А ты должна написать леди Селуин – вот уж кто мнит себя покровительницей искусств. Да она позеленеет от зависти.

– Я совершенно точно не стану писать леди Селуин! – воскликнула Элиза, придя в себя и направляясь к гостинице. – Никому нельзя об этом рассказывать, ни одной живой душе. Вспомни, Маргарет, под каким кошмарным условием я получила наследство. Моя репутация – не та валюта, которую нам позволительно растрачивать.

– И какой смысл попадать в увлекательные истории, если нельзя потом похвастаться? – проворчала кузина.

Тепло очага, восхитительная трапеза и сообщение о том, что коляску починят за пару часов, значительно умилили беспокойство Элизы. В Бат путешественницы прибыли лишь на несколько часов позже, чем намеревались. Поскольку к этому моменту уже опустились сумерки, разглядеть город было сложно, но, выйдя на террасу дома на Кэмден-плейс, своего нового обиталища, Элиза испытала чувство глубокого облегчения. Перкинс выбрал жилье, настолько точно соответствующее вкусам графини, что она почти поверила: этот дом построен и меблирован именно для нее. Четырехэтажное здание, вмещавшее столовую, гостиную, салон, три спальни, хозяйственные помещения и комнаты для слуг, было уютным, элегантным, просторным, светлым и отличалось от величаво-сурового Харфилда, насколько это вообще возможно.

– Дом – само совершенство, Перкинс, – сказала Элиза, вдыхая из чашки изысканный аромат идеально заваренного чая.

Дворецкий, ни разу не замеченный в склонности к высокопарным проявлениям чувств, наклонил голову:

– Будут ли еще распоряжения, миледи?

– Нет, спасибо, – ответила графиня, но, поддавшись порыву, добавила: – Впрочем... вы не могли бы разжечь камин? Все камин.

Довольно с нее холода.

Глава 4

Высший свет уже не считал Бат модным курортом, как это было в прошлом веке. В последние годы немолодые, захудалые, недужные дворяне приезжали сюда чаще, чем богатые и светские. Однако Элизе Бат показался едва ли не самым блистательным из всех городов, которые она видела. Казалось, его строители думали прежде всего об элегантности: великолепные просторные площади и роскошные здания, расположенные в форме амфитеатров, были возведены из светлого камня, чье сияние услаждало глаз в солнечный день. Воздух пах свежестью благодаря близкому соседству Клавертона с его восхитительными холмами, а сам город щедро предлагал обитателям многочисленные сады, лавки, библиотеки и два впечатляющих бальных зала. Словом, Бат предоставил захватывающую вереницу развлечений двум женщинам, которые впервые за всю жизнь получили возможность неограниченно распоряжаться своим временем.

За первую неделю подруги осторожно проложили себе путь в местное общество. Хотя Элиза и внесла себя и Маргарет в книги записей Нижних и Новых бальных залов, сделала она это скорее из вежливости по отношению к церемониймейстерам, нежели из истинного намерения закружиться в вихре удовольствий. Первые десять месяцев траура – самые строгие, когда она должна была совершенно избегать общества, – миновали, но прибытие графини Сомерсет в полном вдовьем облачении было явлением достаточно необычным, чтобы привлечь внимание. Под пристальными взглядами множества глаз ей следовало вести себя более чем безупречно. Она могла посещать Галерею-бювет, обойти лавки на Мильсом-стрит, незаметно попридти на одном-двух концертах и даже дать несколько званых ужинов, пригласив на них крайне ограниченный круг гостей. Но пока не пройдет год и один день с кончины мужа, ей нельзя присутствовать на многолюдных сборищах, ассамблеях и слишком выставлять себя на всеобщее обозрение. Танцы были строго запрещены еще на шесть месяцев после этого. Соблюдение траура являлось серьезным делом для леди ее статуса.

Держа в уме соображения приличий, на первых же выходах в батское общество Элиза и Маргарет постарались, насколько это позволяли хорошие манеры, показать, как опечалена и слаба здоровьем графиня Сомерсет. Быстрый ум и бойкий язычок Маргарет доказали свою неоспоримую ценность, ибо, прибегая к обману, Элиза увязала в болоте неуверенности, тогда как ее кузина умела не моргнув глазом приукрасить правду до неузнаваемости.

– Она так измучена, немудрено после стольких потрясений, – шепнула Маргарет леди Хёрли (одной из самых блестящих батских вдовиц) во время первого посещения Галереи-бювета, когда Элиза, спрятавшись за густой вуалью, пыталась пить из стакана знаменитую целебную (и отвратительную на вкус) минеральную воду.

– Доктор предполагает острую форму флюралгии, – объяснила Маргарет обоим церемониймейстерам балов, когда те пришли с визитами, чтобы поприветствовать вновь прибывших леди.

– Что такое флюралгия? – спросила Элиза, когда посетители ушли.

– Не имею ни малейшего понятия, – жизнерадостно откликнулась кузина. – Но прозвучало неплохо, разве нет?

К тому времени когда мистер Уолкот, поверенный Сомерсета, нанес им визит (на третий день их пребывания в Бате), Маргарет до такой степени наловчилась убеждать окружающих в душевной и телесной уязвимости Элизы, что посетитель, казалось, уверовал: графиня едва ли не на пороге смерти.

– Миледи, вы совершенно убеждены, что здоровье позволит вам управлять поместьями? – спросил он встревоженно. – Я полагал, ваш отец...

– О, мне уже намного лучше, – поспешила успокоить его Элиза.

Бесспорно, мистер Бальфур больше годился на роль распорядителя ее земель, поскольку обладал знаниями и опытом, которых ей не хватало, но... Но она впервые за всю жизнь получила собственность в свое полное распоряжение и пока не была готова от этого отказаться ни в каком смысле.

– Не будете ли вы столь добры, чтобы порекомендовать кого-то на роль управляющего и помочь мне в решении пары вопросов?..

Она умолкла, не договорив, и покраснела.

– Я уже оказываю новому лорду Сомерсету подобные услуги, – с неохотой произнес мистер Уолкот. – Вам придется многому научиться, миледи. Вы уверены, что вам по плечу эта задача?

Элиза одарила собеседника натянутой улыбкой.

– Полагаю, да, – ответила она, стараясь придать голосу твердости.

– Поскольку вы уверены...

Кажется, убедить мистера Уолкота все-таки не удалось.

– ...Вы без оглядки можете рассчитывать на помощь нового графа, если потребуется. Я удивлен, что он в своем последнем письме не уведомил меня о вашем приезде. Я бы нанес вам визит значительно раньше, если бы знал. Впрочем, уверен, у его сиятельства были на то свои резоны.

Совершенно верно, были, и главный резон заключался в том, что Элиза так пока и не написала его сиятельству. Ее упорство в избегании этой задачи уже начинало походить на застарелый недуг.

– Возможно, он еще не получил мое письмо, – солгала она. – Мы решились на поездку совсем недавно из-за...

– Из-за флюралгии, – поспешила на помощь Маргарет.

Мистер Уолкот снова озабоченно нахмурился, и на остаток беседы Элиза приложила все усилия, чтобы внушить поверенному впечатление «дееспособная, но поражена горем», которое его успокоило бы.

Несмотря на необходимость скрываться за маской скорби, первые дни Элизы и Маргарет в Бате были насыщенными, волнующими и обошлись недешево. Подруги дотошно изучили все лавки на Мильсом-стрит: понюхали образчики парфюмерии, усладили глаз бриллиантами ювелира Баснетта и побродили вдоль полок в библиотеке Мейлера. Там они подслушали, как стайка щебечущих юных леди умоляет измученного библиотекаря выдать им новую книгу лорда Мелвилла.

– Я прочла в газете, что уже должны были опубликовать! – заявила одна из девиц, услышав отказ.

– Что бы они сказали, узнав, что мы с ним знакомы? – прошептала Маргарет на ухо Элизе.

– Не смей! – твердо велела Элиза, и Маргарет закатила глаза.

Неподалеку от библиотеки подруги обнаружили лавку «Хранилище искусств» мистера Фазаны. Полки были до отказа забиты великолепными предметами. Мольберты, палитры, кисточки толщиной от иголки до ветки, акварельные краски таких оттенков, что Элиза даже не знала их названий. Приказчики проявили высокую осведомленность в своем деле. У Элизы закружилась голова от наплыва впечатлений. Ей хотелось купить половину лавки, но, понимая, что наверняка вызовет недоумение, она ограничилась набором карандашей, коробочкой акварели и книгой «Искусство живописи». Такая же, помнится, была у ее бабушки.

– А вы... вы смешиваете и масляные краски тоже? – робко спросила она, стоя у прилавка.

Ее бабушка сам смешивал краски. Это был трудоемкий процесс, при котором требовалось толочь натуральные красители и использовать разнообразные добавки, чтобы добиться желаемой консистенции. Впрочем, масляные краски также можно было купить у лавочников.

Мистер Фазана, который специально пришел из задней комнаты, чтобы услужить высоко-родной покупательнице, удивился такому вопросу. Обычно дамы рисовали акварелью. Художники-любители редко прибегали к масляным краскам, поскольку работа с ними была грязной и требовала навыка.

– Разумеется, я готов это сделать, но, возможно, миледи больше пригодится вот этот набор пастели?

– Мм, да, – стушевалась Элиза под недоверчивым взглядом мистера Фазаны и из-за любопытствующих покупателей. – Да, благодарю.

Наверняка пастель тоже сгодится.

Последней они посетили модистку. Элиза и Маргарет привыкли к общению с галантереистами – примерка и частая смена нарядов были ключевой догмой в жизни благородных дам. Однако до сего момента содержимое их гардеробов определяли другие люди. В случае Элизы это был ее муж, предпочитавший старомодные фасоны своего поколения, а в случае Маргарет – ее мать, полагавшая, что платья детских неброских расцветок, обильно усыпанные оборками, придадут дочери облик вечной юности.

– Много лет я чувствовала себя как неповоротливый, пышный пирог, – громко заявила Маргарет, входя в мастерскую мадам Преветт.

Окинув взглядом туалеты посетительниц, хозяйка поцокала языком в знак согласия. Элиза и Маргарет не успели и глазом моргнуть, как обнаружили, что стоят в дальней комнате на площадках для примерки, модистка демонстрирует им картинки из дамских журналов, а ее помощницы снуют вокруг с рулонами шелка, крепа и бомбазина всех вообразимых цветов. Подруги словно оказались в центре модного урагана.

Они пощупали кружево, муслин, хлопок, тюль и под присмотром проницательных, похожих на бусинки глаз мадам Преветт выбрали платья на все случаи жизни. До апреля Элиза могла носить только черное, но мадам Преветт (в свое время бежавшую в Англию от Французской революции) это нисколько не останавливало. Затруднение легко обойти с помощью фасона и покроя платья, заверила она Элизу: сделать вставки из кружева, вышивки, тесьмы, чтобы добавить изюминку там, где для этого использовались цвета. Маргарет, всего лишь дальняя родственница покойного графа, давно перестала носить траур, и с нее сняли мерки для утренних платьев (голубого и зеленого), вечернего пурпурного платья, наряда для прогулок в строгом военном стиле, а также для шляп, шалей и перчаток в тон.

– Первые платья будут готовы через неделю, – пообещала мадам Преветт, когда все обсуждения были наконец закончены.

Великодушно короткий срок, и Элиза, просияв, поблагодарила модистку. Оглядевшись в поисках Маргарет, она обнаружила, что кухня с вождением гладит пальцами густой соборный мех.

– Хочешь такой? – спросила Элиза.

Счет уже получался длинным и внушительным.

– Он очень дорогой, – сказала Маргарет, не ответив на вопрос отрицательно.

Элиза взглянула на сумму счета и ощутила, как ее брови сами собой ползут вверх. Неприличные расходы, сказал бы ее муж. Но его здесь нет. И теперь Элизе решать, какие траты оправданны.

– Берем два, – объявила она.

– А говорят, на деньги счастья не купишь, – пропела Маргарет, не в силах скрыть восторженную улыбку, когда подруги покидали лавку.

За ними следовал их новый лакей, нагруженный картонками.

– Теория, которую я намереваюсь проверить, – пообещала Элиза.

Верная слову, мадам Преветт прислала первые коробки с платьями в течение недели. И во вторую среду после прибытия подруги решили, что наконец готовы к выходу в свет –

на концерт в Новых бальных залах. Они сочли, что такое появление на публике безупречно благопристойно, если Элиза прибудет незаметно, останется сидеть на месте во время антракта и удалится немедленно по окончании представления. По правде говоря, даже если бы оно не было безупречно благопристойным, взглянув в зеркало на себя и Маргарет, Элиза испытала бы искушение все равно посетить этот концерт.

Несомненно, умом Элиза понимала, что новый наряд, даже сколь угодно стильный, не мог бы до неузнаваемости изменить ее внешность. И все же... Любуясь своим отражением в черном креповом платье с оторочкой из черного бархата по подолу, она почувствовала себя преобразившейся – уже не убого одетой вдовицей, прячущейся под ворохом слоев черного бомбазина, а вполне элегантной дамой. А еще она заметила, что за последние недели ее лицо немного округлилось, волосы стали гуще, тени под глазами уменьшились и выглядели теперь скорее пикантно, чем пугающе. Казалось, платье поделилось с ней своим сиянием и, обретя непостижимую власть над всем ее существом, заставило выпрямиться, расправить плечи, придало внутренний свет, чего с Элизой не случалось уже очень давно.

Возможно, смешно думать, что платья, прически и ленты обладают особой силой, но, наблюдая за Маргарет, Элиза не находила утверждение смешным. Напротив, ее сердце дрогнуло от нежности. Кузина, которая никогда прежде даже мимоходом не показывала, что довольна своей внешностью, сейчас смотрела на себя в зеркало распахнутыми, беззащитными глазами, и в них светилось робкое одобрение. Креповое платье цвета морской волны с короткими рукавами, открытыми плечами, лифом, отделанным простой лентой, блистательно оттеняло рыжие волосы и бледную, усыпанную веснушками кожу. Оно идеально подходило ее рослой фигуре. Маргарет выглядела восхитительно.

– Все это настолько прекрасно, что кажется ненастоящим, – сказала Элиза, поведя рукой в жесте, охватывающем платье, дом, всю полноту изменений в их образе жизни. – У тебя такое же чувство?

Маргарет фыркнула, вернувшись из царства грез.

– Пожалуй, я бы с тобой согласилась, если бы не постоянные письма от наших матерей, – ответила она. – И если бы не Винкворты.

Винкворты были их соседями по Кэмден-плейс: миссис Винкворт, неустанно карабкающаяся по социальной лестнице, ее муж адмирал Винкворт, угрюмый джентльмен без каких-либо выраженных особенностей, и их дочь мисс Винкворт, самая молчаливая юная леди из всех, с кем Элиза когда-либо встречалась. Маргарет с первого взгляда яростно невзлюбила все семейство.

– Миссис Винкворт – одна из центральных фигур в батском обществе, мы должны приложить хоть немного усилий, чтобы ей понравиться, – напомнила Элиза.

– Усилия – как это гнусно, – мрачно откликнулась Маргарет.

Закутавшись в плащи, подруги вышли из дома, их сопровождал лакей Стейвс. Прогулки пешком по холмам Бата были затруднительны и потому редки. Но поскольку многие значимые здания находились неподалеку, можно было и пройтись, а в случае дождя нанять паланкин или кеб. Новые бальные залы, расположенные в отстроенной недавно верхней части города, представляли собой величественный комплекс зданий с бальным залом в сто футов длиной, концертным залом и салоном для игры в карты. Все помещения были уставлены вычурной мебелью и освещались хрустальными люстрами под высокими потолками.

Войдя внутрь, Элиза с интересом огляделась, поскольку слыхала, что на стенах висят портреты кисти Гейнсборо и Хоара. Но сразу от входа ее и Маргарет повлекла за собой толпа, а потом на них набросилось семейство Винкворт. Во внешности всех троих было нечто явственно овечье: миссис Винкворт – миловидная овца, мисс Винкворт – нежный ягненок, адмирал – угрюмый баран, напрочь лишенный обаяния.

– Добрый вечер, миссис Винкворт, – сказала Элиза, скрывая раздражение за восторженным тоном.

– Вам следовало нас известить, что вы собираетесь на сегодняшний концерт, – пожурила их миссис Винкворт. – Мы бы вас сопроводили.

Именно поэтому Элиза не уведомила соседей.

– Приношу извинения, – сказала она.

– Пойдемте, вы должны присоединиться к нашей компании, мы все собираемся в Восьмиугольной комнате, – позвала их миссис Винкворт.

Маргарет многозначительно наступила кузине на ногу.

– Собственно, думаю, нам бы не помешало присесть, – попытала счастья Элиза.

Возможно, это было не слишком мудро – стараться отделаться от миссис Винкворт. Однако ее друзья были не тем кругом общения, который Элиза предпочла бы для себя в Бате.

– Я так надеялась познакомить вас с некоторыми персонами, – настаивала миссис Винкворт.

Стальные нотки в ее медовом голосе так сильно напомнили Элизе миссис Бальфур, что она тотчас сдалась и проследовала в Восьмиугольную комнату, где вошедших окружили гул множества голосов, шуршание множества юбок и сверканье множества драгоценностей. Элиза сделала глубокий вдох, собираясь с силами. Кто-то мог бы подумать, что положение графини Сомерсет, видевшей столько охотничьих сборищ в Харфилде, сделает ее неуязвимой для подобных волнений. Но она чувствовала себя не по чину среди высокопоставленных пэров, коих старый граф почитал за друзей, и потому этот опыт скорее принизил ее, нежели придал уверенности в себе.

– Леди Сомерсет, мисс Бальфур, могу я представить вам моих драгоценных друзей?..

Называя имена своих знакомых (каждый приседал перед Элизой в глубоком реверансе или отвешивал низкий поклон), миссис Винкворт искусно ухитрилась, не прибегая к прямой лжи, создать впечатление, что она на более короткой ноге с графиней, чем было на самом деле, – видимо, желала себе во благо присвоить частичку чужого статуса. Тем временем Элиза пыталась запомнить имена: мистер Бродуотер в очках, миссис Майклс в огромном тюрбане – и следила за тем, чтобы не заламывать от волнения пальцы.

– А это мистер Бервик, наш знаменитый художник...

Элиза с неподдельным интересом перевела взгляд на упомянутого джентльмена.

– Миссис Винкворт, вы мне льстите, – сказал он, неубедительно изображая скромника и кланяясь Элизе. – Вы ничуть не лучше мистера Бенджамина Уэста (это президент Королевской академии, леди Сомерсет) – он, к моему смущению, поет мне хвалы при каждом удобном случае.

Услышав эти самодовольные речи, Элиза утратила к художнику интерес.

– Позвольте выразить глубочайшую печаль по поводу вашей утраты, миледи, – продолжил мистер Бервик. – Хотя мы, художники, остро сопереживаем другим людям, однако я и вообразить не могу, какие чувства вы испытываете.

Элиза искренне понадеялась, что ему и правда не хватит воображения.

– Да, мне пришлось очень нелегко, – солгала она.

Присутствующие забормотали слова сочувствия.

– Вы могли бы немного отвлечься, что возымело бы целительное действие, – сказал мистер Бервик. – Сочту за честь написать ваш портрет. Сейчас мне позирует мадам Каталани¹, но ваш портрет – еще более высокая привилегия для меня. Трагическая элегия вдовьей печали...

---

¹ *Анджелика Каталани* (1780–1849) – итальянская певица. Ее выступления шли с огромным успехом по всей Европе. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Он устремил взор вдаль, словно пытался представить эту картину.

– Сомневаюсь, что это было бы приемлемо, мистер Бервик... – сварливо начала миссис Винкворт.

– Мои дорогие, леди Сомерсет, мисс Бальфур, вы выглядите божественно! – Леди Хёрли прибыла как раз вовремя, чтобы остановить миссис Винкворт на полуслове.

Она приветливо сжала руку Элизы – сама будучи леди, сочла это допустимым, хотя они встречались лишь трижды. Миссис Винкворт смерила ее ревнивым взглядом.

– У вас очень красивые серьги, – сказала Маргарет.

Леди Хёрли – одетая сегодня в платье из рубинового бархата, со вкусом отделанное серебряной тесьмой, – была миловидная вдова неопределимого возраста, обладательница жизнерадостного нрава и поистине роскошного бюста.

– Ах, эти безделушки? Подарок покойного мужа. – Леди Хёрли грациозным жестом отмахнулась от комплимента бриллиантам размером с мускатный орех. – Должна сказать, так приятно видеть наконец, что залы заполнила публика.

– Бесподобно! – с жаром поддакнул мистер Флетчер.

Этот привлекательный джентльмен, моложе леди Хёрли по меньшей мере лет на десять, был ее галантным кавалером и всюду следовал за ней по пятам, выказывая безграничную преданность.

– Бату едва ли не угрожала опасность стать немного пресным, вы не находите? – спросила леди Хёрли, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Не могу согласиться, – отрезала миссис Винкворт. – Поскольку на Кэмден-плейс оживленно круглый год, мы никогда не испытываем недостатка в компании. Впрочем, леди Хёрли, могу представить, что на Лора-плейс и правда пресновато. Номер четыре до сих пор не сдан? Кажется, последние жильцы съехали год назад.

Хотя со дня их прибытия прошло всего две недели, Элиза уже стала свидетельницей десятка подобных беспардонных укулов. Покойный муж леди Хёрли получил титул не по наследству, а презрение миссис Винкворт к бывшим торговцам было общеизвестно.

Но леди Хёрли лишь улыбнулась.

– Тогда вам будет приятно услышать, что на этой неделе у номера четыре действительно появились жильцы, – сообщила она. – Вы знаете лорда Мелвилла? Он и его сестра леди Каролина сняли этот дом на три месяца.

Миссис Винкворт приобрела такой вид, словно ей в горло неожиданно воткнули артишок, миссис Майклс вытаращила глаза, а мистер Бродуотер потрясенно закашлялся. Элиза и Маргарет обменялись недоверчивыми взглядами. После прибытия в Бат их жизнь стала настолько насыщенной, что на этом фоне встреча с Мелвиллом потерялась, а поскольку синяки растаяли, то столкновение на дороге в Бат отошло в область сновидений. Появление Мелвилла именно в этом городе казалось маловероятным, и, судя по вопросам, которыми присутствующие забросали леди Хёрли, подруги не были одиноки в своем изумлении.

– Неужели это правда, леди Хёрли?

– Сколько они здесь пробудут?

– Он такой очаровательный, как говорят?

– Я слишком сдержанна, чтобы пускаться в досужие рассуждения, – ответила всем леди Хёрли, лучась самодовольством. – Впрочем, вы сможете спросить у них самих, ибо я пригласила их сегодня к нам присоединиться... А вот и они!

Глава 5

Разыграть более впечатляющую сценку леди Хёрли не смогла бы при всем желании. Вся компания, как один человек, перевела взгляды на дверь в то самое мгновение, когда на пороге появились Мелвиллы: лорд Мелвилл, наряженный во фрак, бриджи и шелковые чулки, и рядом с ним его сестра, почти такая же высокая, как он, одетая в изысканное воздушное атласное платье небесно-голубого цвета, которое великолепно оттеняло смуглую кожу. Леди Хёрли, подняв унизанную драгоценностями руку, поманила вновь прибывших, и они неспешно двинулись вперед. Окружающие оглядывались на них, вытягивая шеи. Пронесся возбужденный шепот – Мелвиллов узнали.

– О. Мой. Бог, – выдохнула рядом с Элизой Маргарет, произнося каждое слово как отдельное предложение.

– Добрый вечер, милорд, миледи, – громогласно поздоровалась с Мелвиллами леди Хёрли. – Я так рада, что вы пришли!

– Мы не отказали бы себе в таком удовольствии, – ответила леди Каролина низким музыкальным голосом. – Я познакомилась с мадам Каталани в Риме год назад и с нетерпением жду сегодняшнего концерта.

Все три составляющих обаяния, присущего леди Каролине: ее репутация писательницы, обольстительный ореол модной изысканности и ссыла на путешествия по Европе – действовали на Маргарет с необоримой силой. Она сделала небольшой шажок и приоткрыла рот, словно намереваясь вовлечь леди Каролину в беседу. Но Элиза предупреждающе схватила кузину за локоть. Они еще не были формально представлены друг другу.

– Могу я познакомить вас с моим дорогим другом, леди Сомерсет? – спросила леди Хёрли.

Элиза заставила себя держаться спокойно. Несомненно, Мелвилл вспомнит о ее просьбе сохранить в тайне предыдущую встречу. Однако на всякий случай Элиза послала ему многозначительный взгляд. Мелвилл вскинул брови, его губы тронула едва заметная улыбка.

– Леди Сомерсет, – сказал он, – мы встретились снова.

О нет!

– Вы уже знакомы? – немедленно заинтересовалась леди Хёрли. – Как же это? Леди Сомерсет, насколько мне известно, вы уже много лет не посещали Лондон.

– Сами расскажете эту историю или позволите мне? – спросил Мелвилл, и его глаза озорно блеснули. – Она очень забавная.

Сердце Элизы пустилось в галоп.

– Мы коротко виделись много лет назад на... балу, – выпалила она прежде, чем Мелвилл успел продолжить.

– И что тут забавного? – сказала леди Каролина.

– Наверняка это не вся история, – согласилась заинтригованная леди Хёрли, обмахиваясь веером.

Чувствуя себя словно под ярким лучом света, Элиза отчаянно попыталась придумать ответ, который бы одновременно удовлетворил любопытство дам, сохранил ее репутацию незапятнанной и не оскорбил Мелвилла. Но волшебство не случилось, такой ответ к ней не пришел. К счастью, в это мгновение беседу прервал церемониймейстер, объявив, что пора рассаживаться по местам.

– Покажем дорогу остальным, леди Сомерсет? – предложил Мелвилл, изящно предлагая ей руку.

После недолгих колебаний Элиза взяла его под локоть.

– Никогда не считал себя человеком, которого легко забыть, – сказал Мелвилл по пути к концертному залу. – Вероятно, вы так часто попадаете в столкновения карет, что воспоминание обо мне стерлось из вашей памяти?

– Я... я не... Д-дело не в этом... – сбивчиво начала Элиза. – Дело в том, что... мне не хотелось бы, чтобы обстоятельства нашей встречи стали общеизвестны. Понимаете, они настолько необычны, что легко могли бы дать почву для кривотолков. Вспомните, в тот день я просила вас проявить сдержанность!

Последняя фраза прозвучала немного с вызовом, и Мелвилл улыбнулся.

– Действительно, – согласился он, ведя спутницу к первому ряду стульев вместо последнего, где предполагала устроиться Элиза. – Прискорбная забывчивость с моей стороны. Могу я сделать комплимент вашему очаровательному туалету?

– Что?.. Да, – испуганно ответила Элиза. – Да, полагаю, можете.

– По моему мнению, он значительно лучше прежнего – теперь я могу разглядеть ваше лицо, – сказал Мелвилл. – Оно вам к лицу.

– Мое лицо... мне к лицу? – недоуменно переспросила Элиза.

– Удачное совпадение, не правда ли?

Элиза на мгновение удивилась: неужели Мелвилл с ней флиртует? Но она немедленно отринула сию мысль как невозможную. Этот джентльмен обычно флиртует с самыми неотразимыми и очаровательными светскими дамами (леди Оксфорд и леди Мельбурн, если верить слухам), а Элиза к их числу совершенно точно не принадлежала.

По мере того как посетители заполняли зал, первый ряд привлекал все больше возбужденных взглядов, зрители тянули шеи, рассматривая сидящих. Мелвилла это ничуть не смущало. Наверное, привык к подобному вниманию, предположила Элиза. Причина повышенного интереса не обязательно заключалась в индийском происхождении графа. Индийцы не были в Англии редким явлением: матросы служили на британских судах, ремесленники продавали свои изделия на многих городских рынках, дети торговцев из Ост-Индской компании учились в английских школах, няньки ухаживали за дворянскими отпрысками. Но Мелвиллы, потомки двух знатных семей из Индии и Британии, вызывали всеобщее любопытство с момента своего рождения.

Даже когда появилась мадам Каталани, зрители, казалось, не могли определиться, куда смотреть: на сцену или на первый ряд. Но она запела, и ее голос – прозрачное, чистое, исполненное страсти сопрано – захватил всех.

– Вы знаете итальянский? – шепотом спросил Мелвилл, наклонившись к Элизе.

– Нет, – призналась та.

– Я тоже. Как вы думаете, о чем она поет?

– Не знаю, – вяло ответила Элиза, но это была неправда.

Мадам Каталани вкладывала в каждую ноту такую значительность и печаль, что не требовалось понимания слов, чтобы догадаться, о чем она поет, – о разбитом сердце. Слушая ее, невозможно было не вспомнить о меланхолических моментах собственной жизни, и Элиза с неизбежностью обратилась мыслями к Сомерсету, пока их не прогнала.

Антракт наступил, по мнению Элизы, слишком быстро. Ее настолько захватила великолепная музыка, что о своем намерении благочестиво сидеть на месте она вспомнила, только входя в чайную комнату. Леди Хёрли продолжила знакомить своих друзей. К счастью, похоже, о загадочной первой встрече Элизы и Мелвилла все забыли, переключившись на новую линию допросов.

Первый залп дала миссис Винкворт, спросив:

– Как давно вы в Бате?

– Один день, – ответила леди Каролина.

– С половиной! – уточнила леди Хёрли.

– Да, как ты могла забыть о половине, сестрица? – попенял ей Мелвилл.

– Вы в нашем городе впервые? – спросил мистер Бервик.

– О нет, – сказала леди Каролина. – Когда-то в детстве я прожила тут целый месяц по прихоти матери, решившей дать мне школьное образование.

– В Батском пансионе для юных леди? – заинтересовалась миссис Майклс. – Мисс Винкворт, вы ведь тоже там учились?

– Да, там, – ответила миссис Винкворт за свою дочь, словно та была ребенком.

– Почему всего месяц? Вам пансион не приглянулся? – спросил адмирал Винкворт, заранее напыжившись в предвкушении обидного ответа.

– Скорее, это я ему не приглянулась, – сказала леди Каролина, красноречиво и элегантно пожав плечом. – Но я уже и так знала французский в пределах, необходимых женщине, поэтому матушка разрешила мне покинуть пансион.

Элизе страшно захотелось спросить, какие именно французские выражения леди Каролина считает необходимыми и достаточными, но сдержалась. Вне зависимости от ответа был возможен лишь один исход: миссис Винкворт бросилась бы закрывать ладонями уши дочери.

– А в этот новый визит понравился ли вам Бат? – нетерпеливо присоединилась к допросу Маргарет.

– Вполне, насколько это возможно за один день, – с прохладцей ответила леди Каролина.

– С половиной, Каро, – поправил ее Мелвилл. – Ты уже второй раз пренебрегаешь половиной.

– Как долго вы планируете остаться? – спросила Маргарет.

– Пока нам здесь рады, – заявил Мелвилл.

– Берегитесь, милорд, – предупредила леди Хёрли, кокетливо играя веером. – Если это ваше единственное условие, вы можете задержаться с нами очень надолго.

– Так ли уж трагична подобная судьба? – сказал Мелвилл, придвигаясь к ней ближе, чем это считалось приемлемым. – Теперь, увидев бриллианты Бата собственными глазами, я совершенно не спешу уезжать.

Леди Хёрли просияла от такого комплимента. Мистер Флетчер рядом с ней раздулся, как потревоженный голубь, а миссис Винкворт принялась так яростно обмахиваться веером, что казалось, она вот-вот снимется с места и полетит. Сценка вышла восхитительно забавная, и Элиза постаралась запечатлеть в памяти каждую мелочь, чтобы, вернувшись домой, воспроизвести на бумаге. Пожалуй, это будет карандаш и акварель, чтобы передать все нюансы настроений.

– Собираетесь ли вы писать, пока находитесь здесь, милорд? – спросила миссис Майклс.

– Нет, – ответил Мелвилл, сохранявший полную безмятежность перед морем направленных на него любопытных глаз.

Он достал из кармана табакерку и предложил ее даме, стоявшей рядом с ним, а именно мисс Винкворт. Девушка зарделась, словно ей протянули футляр с кольцом, и наклонила голову, пряча лицо за волосами.

– Вы обязаны положить конец нашим страданиям, – сказала леди Хёрли. – Когда нам ожидать следующую книгу?

– Мы приехали в Бат, чтобы отдохнуть, – заметила леди Каролина.

– И я уверен, вы заслужили отдых, – вмешался мистер Бервик, – ибо я слышал, что иначе ваше трудолюбие, милорд, не знало бы пределов. Так мне говорил лорд Паулет, он наш общий друг, насколько мне известно.

– Вот как? – откликнулся Мелвилл, едва заметно сдвигая брови.

– Исключительно благодаря его покровительству меня приняли в Королевскую академию, – с жаром сообщил мистер Бервик. – И я очень признателен своим дорогим друзьям мистеру Тернеру и мистеру Хэзлитту, которые нас познакомили.

Мелвилл опустил глаза, как бы в удивлении разглядывая пол.

– Ступай осторожнее, Каро, – сказал он. – Здесь по полу рассыпано превеликое множество имен.

При этих словах у Элизы вырвался непроизвольный смешок. Едва различимый, но Мелвилл услышал и подмигнул ей украдкой. Он и правда с ней заигрывал – в конце концов, что такое подмигивание, как не высшее проявление флирта? Право, это было... это было совершенно неприемлемо. Элиза – вдова на первом году траура, и кокетничать с ней Мелвиллу отнюдь не пристало. Очевидно, что репутацию повесы он полностью заслужил! Но это внутреннее негодование звучало неубедительно даже для самой Элизы. Она так давно не получала знаков внимания от джентльменов (и, конечно, никогда не получала их от джентльменов столь популярных, как Мелвилл), что сейчас невольно воодушевилась.

– Пора возвращаться на свои места, – сухо заявил мистер Бродуотер.

Элиза расположилась на стуле (немного отодвинув его от Мелвилла) и, не в силах удержаться, искоса взглянула на соседа. Спору нет, он действительно очень привлекателен и держится с большим изяществом! Но как только означенный джентльмен перехватил ее взгляд и улыбнулся, она тотчас отвела глаза.

Концерт закончился под общие аплодисменты и выкрики «браво!». Потом мадам Каталани, непринужденно присоединившись к зрителям, немедленно прилипла к Мелвиллу и вовлекла его в оживленный разговор, очевидно требовавший от нее частых прикосновений к руке собеседника. Однако Элиза и Маргарет, не имея возможности задерживаться дольше (они и без того уже отодвинули границы приличий, насколько это было допустимо), поспешили в гардеробную.

– Гром и молния! – неподобающе воскликнула Маргарет, когда слуга отправился за их плащами.

Элиза полностью разделяла ее чувства. Две недели в Бате уже оказались более разнообразными и увлекательными, чем вся их жизнь до этого момента. Вдобавок ко всему приезд Мелвиллов... как если бы изначально вкусное вино внезапно превратилось в игристое. И хотя кокетливые авансы Мелвилла должны были обеспокоить женщину, чье будущее зависело от безупречности ее манер, Элизу тоже переполняло возбуждение.

– Позже поговорим, – пообещала она.

Они разожгут камин, попросят Перкинса принести чай и обсудят все, каждую мелочь.

Их плащи искали очень долго. Когда подруги вышли из здания (лакей Стейвс отправился на поиски наемного экипажа чуть раньше), они обнаружили, что Мелвиллы их опередили. Сестра и брат стояли на брусчатой мостовой. Леди Каролина возилась с застежкой плаща, а Мелвилл нетерпеливо перекачивался с пятки на носок и обратно.

– Давай с ними попрощаемся, – прошептала Маргарет, собираясь шагнуть вперед.

Но прежде чем она успела что-то сказать, прозвучал голос Мелвилла:

– Поторопись, Каролина. Мне хочется поскорее закончить этот тоскливый вечер. Никогда в жизни не встречал настолько пресных людей. Как мы здесь выживем, не представляю.

– Со всех них не наберешь даже унции силы духа, – согласилась леди Каролина. – Будем надеяться, что скоро нам удастся вернуться в Лондон.

– Надеяться и молиться, – подхватил Мелвилл. – Охрани нас Господь от деревенщины, старых дев и вдов – большинство из них невыносимые зануды!

Леди Каролина рассмеялась, взяла брата под руку, и они двинулись в темноту ночи.

– Ох, – выдохнула Маргарет.

Лицо Элизы горело. Подруги застыли на месте, невидяще глядя вслед Мелвиллам.

– Наверное... – пролепетала Маргарет, в голосе которой уже не звучало возбуждение, – наверное, мы скучны в сравнении с их обычным кругом общения.

– Мы не скучные, – ответила Элиза, тщаь остановить дрожь в уголках губ. – И... и даже если так, мы не заслужили подобного неуважения.

Ее обдавало жаром, одолевало раздражение, к глазам подступали слезы – и все это одновременно. Когда прибыла коляска, Элиза неловко поднялась в нее, уселась и напряженно переплела пальцы, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

Ситуация, когда она кому-то не понравилась, была Элизе не в новинку. Напротив, она сталкивалась с чужим невниманием и пренебрежением постоянно, а значит, предчувствие осуждения сопровождало ее всю жизнь. Но сегодня она не ждала ничего подобного. Не ожидала этого от Мелвилла. Лицо ее было пунцовым от унижения. Она не могла поверить, что так скоро и с таким энтузиазмом поддалась на лестные знаки внимания со стороны графа, тогда как все это время истинное его отношение было совершенно иным. Какая же она дура!

Приехав домой, кухни, не сговариваясь, разошлись по своим спальням – они уже не видели радости в том, чтобы обсуждать события вечера. Но и заснуть казалось маловероятным.

Переодевшись с помощью Пардл, Элиза села на кровать и застыла в неподвижности. Слова Мелвилла звучали в ее голове, как детские стихи, повторяемые по кругу: занудна, пресна, лишена силы духа. Оскорбительные эпитеты причинили бы меньше боли, если бы Элиза была уверена, что они полностью ошибочны. Но на самом деле... «Послушная и верная долгу» – так назвал ее муж в завещании. «Не способна заронить и капли сомнения и неодобрения», – пригвоздил ее Сомерсет во время оглашения документа. И теперь, встретившись с ней лишь дважды, Мелвилл, похоже, оценил ее так же невысоко. Элиза думала, что, поехав в Бат вместо Бальфура, доказала свою храбрость. Но не заблуждалась ли она? Их привела сюда отвага не ее, а Маргарет. И разве с момента их приезда Элиза не руководствовалась чужими мнениями и желаниями в той же степени, что и всегда?

В такие моменты, когда тебя терзает ощущение собственной никчемности, разумнее всего отвлечься оптимистичными мыслями и приободриться. Но сейчас Элизу искушала более соблазнительная идея – опуститься в самые беспросветные глубины.

Она встала, подошла к письменному столу в углу спальни, выдвинула ящик и достала маленькую деревянную шкатулку, которую заботливо поместила туда неделями раньше. Поставила шкатулку на стол и села.

Ей давным-давно полагалось сжечь содержимое. Вместо этого Элиза тайком перевезла шкатулку в Харфилд, когда ей было семнадцать, а теперь, десять лет спустя, и в Бат. Пожалуй, собранные ею реликвии в каком-то смысле объясняли, почему пламя чувств, питаемых к Сомерсету, не угасло до сих пор. В любой момент, ощутив, что ее воспоминаниям грозит опасность потускнеть, она могла открыть шкатулку и вернуть память о том, как сильно они когда-то любили друг друга.

Под крышкой, на самом верху стопки бумаг лежал портрет. Он был не лучшей из работ Элизы – всего лишь карандашный набросок лица и фигуры Сомерсета, сделанный по памяти. Как следствие, изображению недоставало точности и детальности. Но, несмотря на это, бросив взгляд на рисунок, любой догадался бы, что художница влюблена в свою модель. Дедушка всегда говорил, что Элиза рисует не только рукой, но в той же мере сердцем. Каждая тщательно проведенная карандашная линия внятно рассказывала, как много усилий приложила художница, чтобы передать важнейшие нюансы. Его глаза... да, вся суть заключалась в выражении глаз. Взгляд нарисованного Сомерсета, направленный на Элизу, светился благоговением, словно он видел перед собой нечто бесконечно драгоценное. Именно так он смотрел на нее, до того как...

Элиза взяла портрет и бережно отложила в сторону. Ниже лежали письма; бумага истончилась и пожелтела от времени. С каждым проходящим годом чернила тускнели, но Элизе и не нужно было разбирать слова. Она могла рассказать всю историю, основываясь только на почерке. В записке, которую Оливер прислал ей вместе с цветами после их первой встречи,

буквы и строчки легли аккуратно и ровно. Все началось с ухаживаний настолько традиционных, насколько это вообще возможно, доказательством чему служили бальные карточки Элизы, в которых постоянно мелькало его имя. Они встретились на одном балу, танцевали на следующем, разговаривали и флиртовали друг с другом на пикниках, за игрой в карты, во время скачек. Спустя всего несколько недель уже обменивались длинными письмами, полными сердечных излияний. Почерк стал более быстрым, сжатым, настойчивым – вплоть до самого последнего письма в шкатулке. Оно заканчивалось словами, по которым Элиза водила пальцами много раз, так часто, что и не сосчитать.

«Глубина моего преклонения перед Вами столь велика, что побуждает меня к действиям. Завтра я нанесу визит Вашему отцу».

Это письмо было финальным штрихом, реликвией. Кто-то мог бы потешить себя иллюзиями, что сказка на том и завершилась. Позволение отца испрошено, разрешение дано, вопрос задан, получен ответ. Свадьба. Дети. Счастье. Но все сложилось совсем не так. И то обстоятельство, что заключительные, горькие слова, которыми они обменялись, были произнесены вслух, а не написаны, не делало их менее правдивыми.

– Вы должны сказать им, что не согласны, Элиза, – настаивал возлюбленный; лицо его было бледнее, чем луна над их головами. – Вы должны сказать им, что уже дали слово другому.

– Я пыталась, – прошептала она срывающимся голосом. – Они не слушают.

– Тогда заставьте их выслушать! – взмолился он. – Вас не могут выдать за него силой!

– Поймите же, я обязана повиноваться, – жалобно сказала она, не отпуская его руки, хотя он отстранился. – Этот союз полезен для моей семьи... я не могу пойти против их желаний.

– Он мой дядя, Элиза! Вы не можете, несомненно, не можете так со мной поступить!

Она пыталась ему объяснить... ей казалось, ее настигнет смерть, если он не поймет... но ничего не вышло. Все, что он видел, – слабость ее натуры.

– У вас нет силы духа, – сказал он наконец. – У вас нет силы духа, Элиза.

Тогда, как и теперь, эти слова ранили, потому что были истинны.

Элиза захлопнула шкатулку. Довольно! Нельзя позволять, чтобы ее и дальше преследовали речи Сомерсета, так же как нельзя позволять, чтобы Мелвилл разрушил жизнь, которую они с Маргарет начали строить здесь. И если она не может убедить ни одного из этих джентльменов, что обладает силой духа, по крайней мере у нее есть возможность доказать это себе самой.

Она достала из ящика чистый лист бумаги. Вероятно, ее упорное нежелание написать Сомерсету объяснялось не только чувством неловкости. Возможно, подспудно она понимала: в формальном послании (и столь же формальном ответе ее корреспондента) будет что-то окончательное. Последнее письмо, которое она положит в шкатулку, станет неоспоримым доказательством того, что их сердечная привязанность больше не существует, это по-настоящему и навсегда. Но в конце концов, так оно и было. Она больше не могла отворачиваться от правды. Пришло время действовать самостоятельно, хватит безвольно плыть по течению.

Элиза набросала короткую записку, в которой пожелала адресату всего наилучшего, коротко сообщила о своем решении задержаться в Бате на обозримое будущее и принесла извинения за задержку в корреспонденции. Сделав это, сложила лист, запечатала и написала адрес Сомерсета. Отправит завтра. Маленький шаг, но это только начало. Больше никто не скажет, что у нее нет силы духа.

Глава 6

Элиза никогда не считала себя хоть сколько-нибудь злым человеком. Разумеется, злость посещала ее время от времени, но всегда лишь с кратким визитом и не оставляла следов. Чаще всего нет смысла слишком долго сердиться. Чаще всего приходится просто смириться. Вот почему Элиза крайне удивилась, когда, проснувшись на следующее утро, обнаружила, что ее переполняет гнев. Каким-то образом за время сна унижение, печаль и робкая решимость прошлого вечера смешались между собой в некоей загадочной алхимической реакции и произвели на свет раскаленную ярость, равную которой Элиза не знала никогда прежде. Да как он посмел, этот Мелвилл, сказать такое о ней – и о Маргарет! Они ничем не заслужили подобного отношения! Как смеет он разрушать ее впечатления от Бата, как он посмел ставить себя настолько выше их, как он посмел! Наглость этого человека уму непостижима.

Страстное негодование наполняло тело странной энергией. На самом деле Элиза совершенно не нуждалась в двух подкрепляющих чашках кофе, однако выпила их за завтраком.

– Останемся сегодня дома? – уныло предложила Маргарет. – На улице сильный ветер, кажется, ужасно холодный.

Похоже, за ночь подруги совершили эмоциональные путешествия в противоположных направлениях. Маргарет выглядела как никогда угнетенной и безразлично отщипывала кусочки от тоста.

– Нет! – провозгласила Элиза. – Как только позавтракаешь, отправляемся на Мильсом-стрит.

Выйдя из дома, они двинулись быстрым шагом, вызвавшим недовольное ворчание Маргарет, и оказались первыми за день посетителями «Хранилища искусств» мистера Фазаны.

– Я бы хотела приобрести масляные краски! – едва переступив порог, заявила Элиза, чем перепугала приказчика так, что он чуть не выскочил из собственной шкуры.

Когда появился фраппированный мистер Фазана, Элиза, прикрываясь гневом, который, казалось, помимо всего прочего, послужил ей чем-то вроде эмоционального щита, заказала полный набор масляных красок, включавший всю мыслимую палитру – от пунцового и сепии до берлинской лазури и индийского желтого. Мистер Фазана пообещал доставить заказ сегодня же.

– На этом все, миледи? – спросил он.

– Да, – сказала Элиза и поправила: – Нет.

И продолжила бесконечно длинный список покупок: мольберты и палитры, дюжина листов бумаги, кисти толщиной от иголки до пальца, мягкие карандаши, твердые карандаши, загрунтованные холсты и деревянные доски, которые мистер Фазана согласился для нее подготовить.

Когда они покидали лавку, Маргарет заметила:

– Было бы проще сказать мистеру Фазане, чего ты не собираешься покупать.

Следующим их шагом стало посещение библиотеки Даффилда, где Элиза подписала на журнал «Летопись изящных искусств» и взяла для чтения все книги по сельскому хозяйству, которые удалось найти.

– Вряд ли так уж сложно все это изучить! – с вызовом заявила она Маргарет. – Что бы там ни говорил мистер Уолкот!

Потом кузины ненадолго заглянули в мастерскую мадам Преветт, чтобы заказать два костюма для верховой езды (они заведут лошадей, пусть даже такая свобода обойдется им в несколько неодобрительных взглядов), – и направились к Галерее-бювету.

– Завтра, – решила Элиза, шагая даже быстрее, чем в начале прогулки, – попрошу мистера Фазану посоветовать мне учителя рисования, поскольку, возможно, снова начну брать

уроки. Почему образование женщины должно закончиться после свадьбы? Что скажешь насчет уроков французского для тебя, Маргарет? Я знаю, ты всегда этого хотела, и теперь мы можем позволить себе такие расходы.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила кузина. – Какая-то ты беспокойная.

– Чувствую себя прекрасно. Просто подумала, что нам было бы полезно более решительно преследовать свои цели. Больше никто не сочтет меня пресной!

– А-а! – сказала Маргарет. – Теперь я понимаю, что происходит.

– Леди Сомерсет!

Подруги обернулись и обнаружили, что во второй раз за два дня на них опасно надвигаются миссис и мисс Винкворт.

– Доброго дня! – воскликнула миссис Винкворт. – Тоже направляетесь в Галерею-бювет? Мы к вам присоединимся.

– Чудесно, – сказала Маргарет голосом, полным сарказма.

– Вам вчера понравился концерт, миледи? – спросила у Элизы миссис Винкворт. – Он вас не утомил? Если позволите мне заметить, у вас немного усталый вид.

«Нет, не позволю», – сварливо подумала Элиза.

– Нам очень понравился, – произнесла она вслух. – А вам?

– Право, – начала миссис Винкворт многозначительно, – не думаю, что слишком мудро со стороны леди Хёрли поощрять Мелвиллов. Едва ли она слышала о репутации этой семьи. Муж леди Хёрли был торговцем, его титул не наследственный, поэтому мы не можем ждать от нее осведомленности в столь сложных материях.

Миссис Винкворт всячески подчеркивала свое благородное происхождение по сравнению с леди Хёрли. На то обстоятельство, что адмирал Винкворт приобрел богатство лишь недавно, благодаря работе в Ост-Индской компании, она предпочитала смотреть сквозь пальцы.

– Когда покойный граф выбрал себе в жены такую... экзотическую даму, в свете случился фурор, какого я никогда прежде не видела!

Миссис Винкворт сделала паузу, словно ожидая, что Элиза и Маргарет взмолятся о продолжении. Но они промолчали. Как бы ни злилась Элиза на Мелвилла и леди Каролину, она все равно не желала слушать столь отталкивающие речи.

– И хотя я терпеть не могу сплетни, – продолжила миссис Винкворт, понизив голос, – люди шептались, что в Индии покойный граф носил мусульманское платье, посещал все их празднества и бог знает что еще...

– Если покойная королева одобрила этот союз, – перебила ее Элиза, – я не вижу повода кому-то против него возражать.

Мелвиллы состояли в отдаленном родстве с королевой Шарлоттой по материнской линии ее величества. Королева открыто одаривала леди Мелвилл своей дружбой, что значительно упростило для последней ее дорогу в высший свет.

– Да упокоит Господь душу ее величества, – поспешно откликнулась миссис Винкворт и добавила, словно была не в силах остановиться: – В любом случае я не верю, что причина их приезда в Бат так невинна, как они пытаются показать. Слухи из Лондона рано или поздно доберутся и сюда!

К счастью, разговор прервался, когда компания добралась до Галереи-бювета. Привлекательное снаружи и внутри здание с двумя рядами больших окон и коринфскими колоннами, Галерея была местом, где желающие могли приобщиться к знаменитым целебным водам Бата: погрузиться в бассейн внизу или (что было более типично) испить воды в помещении наверху. Впрочем, Галерея имела не только медицинскую, но и общественную значимость. Жители и гости города посещали ее в течение дня, чтобы прогуляться по залу, встретиться с друзьями и поискать новые интересные знакомства.

Во время всех предыдущих визитов Элизы в Галерею-бювет зал приятно наполнился слабым гулом голосов, не заглушавших скрипки, которые играли каждый день, начиная с часа пополудни. Но сегодня здесь происходило сущее столпотворение. Причина этого вскоре стала очевидной – в самом центре давали прием Мелвиллы. Леди Каролина была одета в утреннее платье из зеленого крепа; льнувшая к телу ткань идеально обрисовывала контуры ее великолепной фигуры. В сравнении с элегантной простотой этого наряда казалось, что платье любой другой женщины в зале перенасыщено оборками.

– Похоже, леди Каролину нам предстоит лицезреть часто. И во всех подробностях, – съязвила миссис Винкворт.

– А по-моему, она выглядит чудесно, – сказала мисс Винкворт так тихо, что Элиза не разобрала бы слов, если бы не стояла рядом.

К несчастью для барышни, ее мать услышала тоже.

– Ее платье неприлично, и тебе не следует им восхищаться, – сурово отчитала дочь миссис Винкворт. – Ты хочешь, чтобы леди Сомерсет сочла тебя фривольной особой?

Мисс Винкворт перевела взгляд на Элизу. В распахнутых глазах девушки плескался такой испуг, словно ей было восемь лет, а не восемнадцать.

– Я не считаю ее фривольной, – поспешила вмешаться Элиза. – Мне тоже нравится платье леди Каролины.

– Доброе утро! Чудесное солнечное утро! – раздался позади них голос леди Хёрли.

Она приблизилась к ним с мистером Флетчером, следом шли миссис Майклс и мистер Бродуотер.

– Бесподобно! – согласился мистер Флетчер.

Из недолгого знакомства с этим джентльменом Элиза сделала вывод, что для описания своего отношения ко всем персонам, ситуациям и разговорам он ограничивался тремя выражениями: «бесподобно», «никуда не годится» и, когда того требовали обстоятельства, «будь я проклят, если знаю».

– Вы сегодня принимаете воды, леди Хёрли? – спросила Элиза.

– Да, разумеется. Мистер Флетчер как раз собирался принести мне стаканчик. Не хотите ли и вы?

– Да, если это не слишком вас затруднит, мистер Флетчер, – попросила Элиза. – Сможете принести так много?

– Будь я проклят, если знаю, – ответил он, однако отправился за добычей.

– Что за выражения! – неодобрительно бросил мистер Бродуотер. – Да еще в присутствии дам.

– Мы нисколько не возражаем, – сказала леди Хёрли, обводя взглядом зал. – Кажется, мои новые соседи вызвали необыкновенную шумиху.

– Как и полагается высокочтимым особам, – подхватил мистер Бервик, появившись слева от леди Хёрли и отведывая приветственный поклон.

Свою обычно чопорную и аккуратную прическу он заменил на элегантный беспорядок в волосах. Было несложно догадаться, кто вдохновил его на такое новшество.

– Сам я намереваюсь просить лорда Мелвилла позировать мне, как только у него появится возможность. Вы знали, что последний портрет с него написали, когда он был ребенком?

Присутствующие ответили на это сообщение заинтересованным гулом, а Элиза ощутила укол зависти. Не потому, что ей хотелось написать портрет Мелвилла – вчера вечером она искренне желала последнему отправиться в Иерихон, – а потому, что мистер Бервик мог с такой легкостью заявить о своих намерениях. Ей было позволено рисовать только членов семьи. Существовали, конечно, известные художницы, но скандалы и клевета сопровождали каждую

женщину, стремившуюся чего-то достичь на этом поприще. Даже дедушка Элизы, ее наставник и путеводная звезда, не считал допустимым прием женщин в Королевскую академию.

– Возможно, вы и напишете его портрет, мистер Бервик, – сказала леди Хёрли, – но именно я устрою первое суаре в их честь в Бате. Могу лишь сожалеть, что уезжаю из города на пятницу и субботу, иначе уже пригласила бы Мелвиллов.

– К чему такая спешка? – спросила Элиза, которую позабавили досадливые нотки в голосе леди Хёрли.

– Право, я не хочу, чтобы меня снова обошли на повороте. Леди Кейт устроила вечер для мадам д'Арбле², когда та прибыла в Бат. Миссис Пьюцци³ в прошлом ноябре заполучила ученых из Персии, а я твердо намерена пригласить Мелвиллов.

Миссис Винкворт фыркнула, словно желая подчеркнуть неуместность претензий леди Хёрли, осмелившейся соревноваться со столь именитыми дамами, но Элиза пропустила ее фыркание мимо ушей.

– Вас совсем не беспокоит присутствие в городе таких... колоритных персон? – спросила у леди Хёрли миссис Майклс, в то время как мистер Бервик бросился к Мелвиллам.

– От них сильно пахнет нарушением приличий, – провозгласил мистер Бродуотер.

– Фи! – насмешливо откликнулась леди Хёрли. – Это благословение небес – приезд в Бат столь элегантных гостей, особенно таких даровитых.

– Даровитость заслуживает одобрения, но чрезмерность в женщинах фатальна! – возмущенно заявил мистер Бродуотер.

Леди Хёрли и Маргарет издали негодующие вскрики и нашлись с остроумными ответами, а Элиза, отвлекшись от перепалки, снова устремила взгляд на Мелвиллов. Наблюдая за разглагольствующим графом – окружающая публика живо ему внимала, – Элиза, как вчера перед концертом, ощутила покалывание в кончиках пальцев. Что, если нарисовать Мелвилла в утлой лодчонке посреди моря – как он, лишившись всяческих развлечений, движется навстречу неминуемой гибели? Может, это хоть немного умерит ее гнев? Граф, словно почувствовав, что за ним наблюдают, посмотрел на Элизу. Их взгляды встретились, и он приветственно помахал рукой.

Элиза, которая никогда в жизни не переступала черту учтивости, повернулась к нему боком, намеренно и очевидно глядя в другую сторону, словно отрицая само его существование. Прямой отказ.

Она сама не верила в собственную храбрость; ее сердце ускорило бег, зачесались ладони. В свои двадцать семь лет она никому не давала прямой отказ. Она оставляла бесчисленные оскорбления и знаки пренебрежения без ответа, без возражений, проглатывала свою гордость снова и снова, показывая миру застывшую улыбку, но... Больше никогда. Больше никогда. Она с благодарностью приняла из рук мистера Флетчера стакан, отпила... и едва не подавилась при звуках тихого, но уже знакомого голоса.

– Неужели вы только что выдали мне прямой отказ?

Элиза стремительно обернулась – перед ней, склонив голову набок, стоял Мелвилл. От ужаса у нее приоткрылся рот.

– Я... ну-у, – забормотала она, чувствуя, как лицо заливается краской.

– Так и есть! – ликующе и заинтригованно воскликнул граф.

Элиза устремила на собеседника испуганный взгляд. Она не ожидала, что придется с ним объясняться. Разве весь смысл прямого отказа не заключается в том, чтобы не разговаривать с персоной, его получившей?

– Могу я спросить почему? – поинтересовался Мелвилл.

---

² *Мадам д'Арбле* (Фрэнсис Бёрни; 1752–1840) – английская писательница.

³ *Эстер Линч Пьюцци* (Эстер Трейл; 1741–1821) – уэльская писательница; жила в Бате в 1814–1821 гг.

Было непохоже, что он обижен, испытывает неловкость или расстроен, и это обстоятельство, вместо того чтобы успокоить Элизу, только подстегнуло ее негодование. Неужели этот человек мнит себя настолько выше ее, что его чувства никоим образом не затронул даже прямой отказ?

– Прошу, скажите, миледи, – настаивал Мелвилл, поскольку она по-прежнему молчала. – Как я вас обидел?

Ощущая, как вскипает в ней каждая унция недавно обретенной ярости, Элиза выпрямилась во весь рост.

– Всего лишь любимыми доступными вам способами, – ответила она, стараясь выразить всю глубину своего возмущения и при этом не повысить голос.

Хотя все вокруг были погружены в беседу, она не хотела, чтобы ее подслушали.

– Неприемлемая обстоятельность с моей стороны, – моргнув, сказал Мелвилл. – Но вы не могли бы объяснить подробнее?

Теперь, когда все предосторожности отброшены, увиливать от ответа было бессмысленно.

– Мы слышали, что вы сказали леди Каролине вчера вечером, когда уходили с концерта, – сообщила Элиза, отступая в сторону, чтобы отвести собеседника подальше от возможных любителей сплетен.

– Вам придется мне напомнить, – неспешно произнес он.

– «Охрани нас Господь от деревенщины, старых дев и вдов – большинство из них невыносимые зануды», – процитировала Элиза.

– Ах, – протянул Мелвилл. – Какое несчастье, что вы услышали столь неосмотрительное, пусть и емкое замечание!

Элиза воззрилась на него:

– Вам действительно несколько не стыдно?

– Почему мне должно быть стыдно? – ответил он, по-прежнему изгибая губы в раздражающей улыбочке. – В конце концов, грех подслушивания совершили вы, а не я.

Элиза с ужасом обнаружила, что к глазам подступили слезы досады, и в отчаянии их сморгнула.

– И я рада, что подслушала, поскольку теперь знаю ваши истинные мысли, – произнесла она насколько могла ровно. – Но даже если мы были бы так скучны, как считаете вы и ваша сестра, мы все равно не заслуживали бы столь бессердечного отзыва.

Окончание фразы прозвучало значительно менее твердо, чем ее начало, и перед лицом столь внятно выраженных переживаний Мелвилл растерял остатки веселости.

– Вы пристыдили меня, миледи. – Кажется, он наконец начал воспринимать слова собеседницы всерьез. – Последние недели были... тяжелыми для Каролины и меня... Но это не оправдание. Вы правы, я высказался крайне бессердечно. Простите.

Извинение прозвучало искренне. Элиза позволила себе им насладиться. Джентльмены нечасто признавали себя виноватыми вне зависимости от тяжести преступления. За все годы совместной жизни покойный граф ни разу не сделал ничего подобного.

– Спасибо, – произнесла она наконец, кивнув в знак принятия.

Через плечо Элиза заметила, что их тет-а-тет начал интересовать публику, состоящую из нетерпеливых дам.

– Я не должна отвлекать на себя все ваше внимание, – заявила она. – Кажется, миссис Донован хочет с вами побеседовать.

– Меня это не волнует, – беззаботно бросил Мелвилл. – Я желаю беседовать с вами.

Элиза устремила на него неуверенный взгляд, заподозрив, что он шутит. Пусть она и приняла извинения, но больше не повторит свою ошибку и не воспримет всерьез его флирт.

– Что вас так удивляет? – не понял Мелвилл.

– Только вчера вы заклеили меня занудой, – напомнила она.

– Миледи, если мы намерены стать друзьями, вы должны забыть эту историю с «занудой».

– А мы намерены стать друзьями? – испуганно спросила Элиза.

– Это воистину мое заветное, непреходящее желание, – сказал он, прижав руку к сердцу. – Вы должны поужинать с нами на Лора-плейс. И мисс Бальфур тоже.

– Я не могу.

– Почему?

– Мне пока нельзя ужинать вне дома, – ответила Элиза, показывая на свой траурный наряд. – И мы еще даже не обменялись утренними визитами. Это было бы... странно. Люди начнут шептаться.

– И какая трагическая это была бы перемена обстоятельств, – сухо проронил Мелвилл.

Элиза снова воззрилась на него. Неужели он и правда настолько равнодушен к сплетням и кривотолкам, следующим за ним по пятам?

– Высший свет шепчется обо мне с тех пор, как я родился, – сказал Мелвилл, словно прочитав мысли Элизы по ее лицу. – И если бы меня хоть на секунду обеспокоили чужие мнения, мне пришлось бы удалиться в монастырь к монашкам.

– Вы хотели сказать, к монахам? – спросила Элиза, вместо того чтобы признать благостное воздействие его речей.

– Нет, к монашкам, – повторил Мелвилл. – Должен же я получить хоть какое-то удовольствие?

Не сдержавшись, Элиза издала потрясенный смешок.

– Она смеется! – обрадовался Мелвилл, победно улыбнувшись.

– Миледи, милорд, доброе утро! Надеюсь, я не помешаю?

Миссис Донован наконец набралась храбрости и приблизилась в сопровождении трех дочерей. Каждая сжимала в руках томик «Персефоны», рассчитывая получить автограф.

– Вовсе нет! Прошу меня извинить, – сказала Элиза, проигнорировав мрачный взгляд, который послал ей Мелвилл, и ускользнула на поиски Маргарет.

Она была искренне благодарна за передышку: совершенно невозможно предугадать, что Мелвилл скажет в следующий момент. Это, бесспорно, очень занимательно, но Элиза не привыкла, чтобы ее остроумие подвергалось столь основательному испытанию.

– Прямой отказ? Элиза, ты этого не сделала! – воскликнула Маргарет по дороге домой.

– Сделала! – Элиза даже не пыталась скрыть довольство собой теперь, когда ее слышали только кузина и Пардл, следовавшая в двух шагах позади. – И я вынудила его попросить прощения! Никогда раньше я не вынуждала джентльмена просить прощения!

Когда они подходили к Кэмден-плейс, Элиза заметила развязавшийся шнурок и, не переставая говорить, машинально присела, чтобы его поправить.

– Ни мой отец, ни муж, ни один из братьев...

– Сомерсет, – сказала Маргарет.

Элиза нахмурилась, затягивая шнурок.

– Насчет Сомерсета я не уверена... – произнесла она задумчиво.

– Нет, Элиза, Сомерсет! – повторила Маргарет.

Не вставая, Элиза подняла голову, проследила за взглядом кузины и обнаружила, что в нескольких ярдах впереди (явление, недоступное пониманию) из дверей ее дома действительно выходит граф Сомерсет.

Глава 7

Элизе понадобилось несколько долгих мгновений, чтобы осмыслить увиденное.

– Что, ради всего святого?.. – шепнула она подруге.

– Встань! – велела ей Маргарет.

Но Элиза не слышала. Это событие – Сомерсет здесь, в Бате, выходит из ее дома – было настолько неправдоподобным, что она не поверила своим глазам. Так и застыла согнувшись, недоуменно взирая на графа.

Сомерсет вышел за ворота и почти сразу увидел Элизу и Маргарет.

– Леди Сомерсет, – сказал он, замедляя шаг (предположительно, от изумления при виде скорчившейся на мостовой Элизы). – Почему вы?..

Это наконец подстегнуло ее к действиям.

Она резко выпрямилась:

– Милорд! Мы не ожидали...

От слишком поспешного движения кровь прихлынула к голове, и Элиза пошатнулась. Маргарет торопливо схватила ее под левый локоть, чтобы поддержать, а Пардл бросилась вперед, вытянув руки.

– Леди Сомерсет! – воскликнул граф, зашагав быстрее. – Вам дурно?

Ледяное безразличие, явленное им при первой встрече, исчезло. Он хмурился, окидывая Элизу взглядом... неужели почти встревоженным?

– Я... у меня все хорошо, – сказала Элиза, умирая от смущения: какая же она неловкая! – Просто на ботинке...

– Нам следует отвести ее в дом, – обратился Сомерсет к Маргарет поверх головы Элизы, словно речь шла о столетней старушке.

– Хорошо, – согласилась Маргарет, обменявшись с подругой озадаченными взглядами.

– Вы можете идти, миледи? – спросил Сомерсет.

– Конечно! – откликнулась Элиза.

Неужели леди не позволено слегка оступиться, без того чтобы ее сочли ни на что не способной?

– Нет нужды...

Она уже собиралась объявить, что вполне в состоянии идти сама, но в этот момент Сомерсет, словно стремясь предотвратить падение, обвил рукой ее талию – и внезапно Элиза обнаружила, что, в сущности, помощь не вызывает у нее возражений.

– Миледи! – встревоженно воскликнул Перкинс, увидев, что хозяйку едва ли не вносят в дом на руках.

– Возможно, миледи понадобится что-то подкрепляющее, – спокойно сказал Сомерсет. – Пусть немедленно принесут в гостиную.

Пардл послушно направилась в сторону кухни. Элизу одолевали противоречивые чувства: недоумение по поводу внезапного поворота событий, раздражение на Сомерсета, который командует ее слугами, и неохотное восхищение его распорядительностью. Она понятия не имела, почему он решил, будто она близка к обмороку, но не могла оспорить тот факт, что действовал он решительно.

Сомерсет не снял руку с ее талии до того момента, когда, поднявшись по лестнице и войдя в гостиную (Перкинс придержал дверь), усадил Элизу на диван.

– Я... я благодарю вас за помощь, милорд, – сказала Элиза, едва дыша.

Она сочла за лучшее отмахнуться от происшествия и сделать вид, что ничего особенного не случилось.

– Надеюсь, ваша семья...

– Вам не следует разговаривать, пока не выпьете что-нибудь для бодрости, – решительно оборвал ее любезности Сомерсет.

Вошла Пардл с подносом.

Элиза взяла стакан и с улыбкой отпустила горничную.

– Я прекрасно себя чувствую, – снова попыталась объяснить она Сомерсету. – Просто развязался шнурок.

– Милочка, бедняжка моя, у тебя мутится в голове, – пропела Маргарет, в глазах которой мелькали шаловливые искорки.

Элиза послала подруге сердитый взгляд.

– Мисс Бальфур, вы не могли бы принести нюхательные соли, на случай если леди Сомерсет снова станет дурно? – попросил граф.

– Попытаюсь, – с сомнением сказала Маргарет. – Наверное, Пардл знает, где их найти.

Она выплыла из гостиной походкой, отнюдь не свидетельствующей о спешке. Элиза, отказавшись искать во всем этом здравый смысл, послушно прихлебывала напиток, наблюдая за Сомерсетом из-под ресниц. Он присел на стул напротив нее, но держался настороже, словно предполагая, что она в любой момент может снова лишиться чувств.

Элиза первой решила нарушить долгое молчание:

– Мы не ожидали встретить вас в Бате.

– А я вас, – ответил гость. – Я пришел сразу от мистера Уолкота, который уведомил меня о том, что вы в Бате, и о состоянии вашего здоровья. Признаться, я понятия не имел, что вас терзает тяжкий недуг.

Так вот в чем дело! Поведение Сомерсета становилось немного понятнее. Элиза так и знала, что Маргарет перестаралась, описывая Уолкоту мнимую болезнь подруги. Одному Богу известно, в каких красках поверенный обрисовал ее «флюралгию» Сомерсету, раз последний немедленно примчался на Кэмден-плейс, хотя во время их недавней встречи в Харфилде торопился избавиться от общества Элизы.

– Все не так серьезно, – сказала она.

– Кажется, мистер Уолкот считает, что очень серьезно, – поспорил с ней Сомерсет.

– Всего лишь недопонимание. Недуг не был опасным, и я вполне поправилась.

Ей не нравилось лгать ему, но выложить всю правду она тоже не могла.

– Я рад это слышать, – проговорил Сомерсет. – Он так о вас рассказывал, что я...

Граф оборвал себя.

– Всего лишь легкое утомление, – заверила его Элиза.

Но Сомерсет снова нахмурился.

– Тогда позвольте спросить, – с расстановкой произнес он, – почему меня не уведомили о вашем отъезде в Бат? Тяжесть вашего состояния могла бы объяснить эту оплошность, но если оно не настолько серьезно...

О боже!

– Вы не получили мое письмо? – спросила Элиза.

Ее голос взлетел до писка, как случалось всегда, когда приходилось быстро выдумать подходящую ложь.

– Я вам написала, это правда... чтобы сообщить об изменении планов, но, возможно, послание немного... запоздало.

Сомерсет с вежливым недоверием вскинул брови.

– И когда, осмелюсь спросить, было отправлено это письмо? – поинтересовался он.

О боже!

– Право, не могу сказать точно. У меня было столько дел... – пролепетала Элиза.

Сомерсет взглянул на нее, и его лицо снова заледенело.

– Миледи, – заговорил он после долгой паузы, – как мне доподлинно известно, мой дядя был разочарован, когда оказалось, что наследником стану я. Он ясно давал понять, что я представляю собой неравноценную замену сыну, на которого он так надеялся. Возможно, именно поэтому он никогда не пытался обучить меня управлению поместьями. И возможно, вы разделяете это его мнение обо мне. Однако я не смогу должным образом исполнять долг главы семьи, если вы меня не уважаете.

– О боже, нет! – в ужасе воскликнула Элиза. – Это не имеет никакого отношения к... Я уважаю вас, действительно уважаю.

– Тем не менее я получил сведения о месте вашего пребывания от мистера Уолкота, и тот несказанно удивился, обнаружив, что мне оно неизвестно, – жестко отрезал Сомерсет. – Смею вас заверить, я пришел в немалое замешательство.

Слушая этот выговор, Элиза почувствовала себя ребенком.

– Я должна была написать раньше, – сказала она. – Я поступила непростительно грубо.

Сомерсет кивнул, смягчившись.

– Вы по-прежнему намерены вернуться в Бальфур после окончательного выздоровления? – спросил он.

– Я... пока не знаю, – призналась Элиза.

Уже наступила вторая половина февраля, и оставалось всего восемь недель до того момента, когда семья призовет к себе Маргарет. И хотя Элиза с каждым днем все больше чувствовала себя в Бате как дома, перспектива остаться без подруги и искать новую компаньонку пугала настолько, что думать об этом не хотелось.

– Понятно.

Сомерсет опустил взгляд на шляпу, которую все еще держал в руках, и принялся медленно ее вращать. Элизе был знаком этот жест – так граф вел себя, если нервничал и пытался это скрыть. Она в ярких красках вспомнила, как он вертел шляпу, когда впервые нанес ей визит в лондонском доме Бальфуров.

– Я знаю, что... – снова начал Сомерсет, не отрывая взгляда от крутящейся шляпы, – что характер прежнего знакомства накладывает печать неловкости на нынешние обстоятельства.

– Возможно, ситуация не идеальна, – произнесла Элиза пересохшими губами.

– Это определено так, – откликнулся Сомерсет, поднимая глаза. – И мне неприятно думать, что эта неловкость не позволяет вам выбрать местом своего проживания Харфилд, даже если вы этого хотите. Там для вас всегда найдется место, обещаю.

Как это на него похоже – дать подобное обещание. Он всегда был неизлечимо благороден.

– Спасибо, – искренне сказала Элиза. – Но мы счастливы здесь, в Бате. Приезд сюда помог нам сменить обстановку, что было бы невозможно в Бальфуре или Харфилде.

– Понимаю... – кивнул Сомерсет. – Могу понять, как сложно жить там, где все постоянно напоминает о нем, – чуть слышно сказал он.

Элиза промолчала. Она боролась с чрезвычайно неподобающим желанием признаться Сомерсету, как мало в действительности было любви между ней и мужем. Сказать, что за годы совместной жизни тепла в их отношениях не возникло, что пучина, разделявшая их, все больше зарастала льдом, по мере того как таяла надежда на рождение ребенка. Но признаваться в таком неприлично. И в любом случае собеседник не захочет это слышать.

Стук быстрых шагов на лестнице возвестил о приближении Маргарет. Когда она вошла, Сомерсет поднялся.

– Нюхательные соли вы, конечно, не принесли? – спросил он с легкой улыбкой.

– Ах, я такая забывчивая! – жизнерадостно воскликнула Маргарет. – Неужели вы уже уходите?

– Боюсь, что да. Умоляю вас, не вставайте, леди Сомерсет.

Исполнив свой долг и завершив благородную миссию, он не видел больше причин продолжать визит. Элиза не позволила себе испытать разочарование.

– Вечером возвращаетесь в Харфилд? – спросила она.

– Не сегодня. Утром мне нужно будет заняться делами с мистером Уолкотом, – помолчав, ответил граф.

Он снова повертел в руках шляпу и добавил:

– Вы позволите... позволите навестить вас завтра, если вам будет удобно?

– Да, – ответила Элиза, загоняя поглубже радостное возбуждение. – Будет вполне удобно.

– Тогда увидимся завтра, – наклонил голову гость, – леди Сомерсет, мисс Бальфур.

Кузины дождались звука закрывающейся входной двери, и Маргарет бросилась к окну, чтобы проследить, как Сомерсет удаляется от дома.

– Ушел! – объявила она. – О чем вы разговаривали в мое отсутствие? Я пыталась подслушать, но ваши голоса звучали слишком тихо.

– Ни о чем особенном, – ответила Элиза, не в силах собраться с мыслями.

Неужели то, что сейчас произошло, действительно произошло?

– Он заверил, что меня радушно примут в Харфилде, если я захочу вернуться.

– Но ты не захочешь? – пожелала убедиться Маргарет.

– Не захочу, – согласилась Элиза. – Впрочем, было очень любезно с его стороны предложить это. Тебе не показалось... он как будто разволновался, когда думал, что я больна?

– Показалось. Очень разволновался.

– И почувствовал облегчение, когда выяснилось, что я здорова?

– Огромное облегчение, – подтвердила Маргарет, порывисто кивнув.

– И завтра он собирается нанести визит, – сказала Элиза, размышляя, не привиделось ли ей.

Значит, возможно, не так уж она ему безразлична. Элиза прижала руку ко рту, сдерживая улыбку.

«Не смей, – велела она себе. – Не позволяй себе надеяться, это было бы ошибкой. Боже правый, да он почти весь визит тебя отчитывал!»

«Но он был добр с тобой, – возразил другой голос, тихий и мечтательный. – И он хочет прийти еще раз».

– Что ты думаешь?.. – начала Элиза и оборвала себя.

– Что я думаю о чем? – уточнила Маргарет.

– Просто... к концу его манеры стали намного более сердечными. Возможно, это знак, что однажды он... простит меня?

– Он простит тебя? – внезапно нахмурившись, бросила Маргарет. – За что?

– Маргарет, ты знаешь за что.

– Совершенно не понимаю, почему ты до сих пор чувствуешь себя виноватой, – возразила подруга. – Эта история была невыносима для вас обоих, но расплачиваться пришлось только тебе. Ты вышла замуж за старого негодяя, а твой возлюбленный, ничем не обремененный, наслаждался свободой.

– Он поступил во флот, Маргарет, – напомнила Элиза. – Не думаю, что это можно назвать ничем не обремененной свободой.

– Бороздить Атлантику в компании старых друзей? Да многие еще и приплатили бы за такое развлечение.

Представления Маргарет о военном флоте явно были весьма ограниченными.

– Сомерсет мне всегда нравился, – продолжила она. – Но если он после стольких лет по-прежнему держит на тебя обиду, тогда он не заслуживает того, чтобы ты о нем думала.

– Наверное, пора перекусить, – сказала Элиза, вставая, чтобы позвонить в колокольчик.

Ей не хотелось спорить. Маргарет всегда была самой яростной ее защитницей, за что Элиза ее любила. Но кузина не присутствовала при их последней встрече, когда Элиза предала Сомерсета. Если бы она была там, то, возможно, лучше поняла бы, почему подруга до сих пор испытывает глубокие сожаления.

– Миледи, – снова возник в дверях Перкинс, – прибыли ваши покупки от мистера Фазаны, и их... э-э-э... значительно больше, чем в прошлый раз. Позвольте спросить, куда вы велите мне их...

– Ох! – откликнулась Элиза, вспомнив огромное количество и размеры своих утренних приобретений. – Пожалуй, на время принесите все в эту комнату.

Перкинс сделал деликатную паузу.

– И мольберт тоже?

Элиза огляделась. В гостиной и без того значительную часть пространства гордо занимало фортепьяно, и если разместить тут еще и мольберт, то станет тесно. Кроме того, столь необычный предмет вызовет вопросы у любого визитера, вошедшего в комнату. Например, такого визитера, как Сомерсет, он ведь придет завтра.

«Он придет завтра».

– Лучше поставьте его в салоне, – ответила она, но думала уже о другом.

Перкинс бодро кивнул. Со свойственной ему расторопностью он обустроил салон на втором этаже не дольше чем за час. Из комнаты вынесли два стула, поместили там большой мольберт – дворецкий расположил его на некотором отдалении от окна, чтобы Элиза могла при работе наслаждаться естественным освещением, оставаясь при этом незаметной для прохожих. На освобожденные книжные полки аккуратно выставили альбомы для рисования (и заполненные, и чистые), перенесли из гостиной маленькое бюро, в которое сложили краски. Все эти хлопоты как нельзя лучше отвлекли Элизу от волнующих мыслей, и, когда Маргарет, взяв книгу, свернулась клубочком на диване, художница опробовала новые покупки.

Нежный вечерний свет она передала розовой масляной краской, ложившейся мягко, как взбитые сливки, под ее кистью, и портрет Маргарет начала с кармина, идеально совпадавшего с оттенком ее рыжих локонов. Потом окончательно опустилась ночь, и свечи растаяли почти полностью. Тогда Элиза заткнула шпильками отверстия в мешочках с масляными красками (такие мешочки, завязанные у горлышка, делали из мочевого пузыря животных) и взялась за карандаш. Она набросала по памяти сценки с концерта: лицо Мелвилла, когда он флиртовал с леди Хёрли, недовольная физиономия мистера Флетчера, осуждение в глазах миссис Винкворт.

К тому моменту, когда Элиза наконец отложила принадлежности для рисования, огонь в камине почти погас, глаза у нее устали, и она почувствовала, что вполне успокоилась и может отправиться в кровать.

Переодеваясь ко сну, она пообещала себе, что предстоящий визит графа не застанет ее врасплох. Завтра ее не найдут согнувшейся в три погибели на мостовой, как чумающую обормованку. Она будет спокойной, собранной, сдержанной – и все пройдет хорошо.

Глава 8

Хотя до традиционных часов, отведенных для визитов – с двенадцати до трех пополудни, – оставалось довольно много времени, подружки не отправились на свою обычную прогулку. Чтобы не пропустить прихода Сомерсета, когда бы тот ни явился, они расположились в гостиной и принялись терпеливо ждать.

– О чем собираешься с ним беседовать? – спросила Маргарет.

– Да на обычные темы, – ответила Элиза.

Этим утром она даже составила список.

– Я спрошу, какие есть новости о его семье, о Лондоне, о...

Маргарет состроила гримасу.

– А о чем вы обычно разговаривали? – задала она следующий вопрос. – В смысле, когда он за тобой ухаживал.

– Когда мы только познакомились? Разговаривали о книгах, общих друзьях, о том, что происходит на войне.

– А потом? – продолжила расспросы Маргарет.

А потом... В какой-то момент между отрывочными беседами на балах, пикниках, в театрах свойственная ему сдержанность и свойственная ей робость покинули их настолько, что они обнаружили не только общие склонности, но и глубину взаимного притяжения.

– Почему тебя так интересуют наши отношения? – не ответив на вопрос, сама спросила Элиза.

Ей не хотелось отдаваться ностальгическому томлению, которое только усилило бы ее нервозность.

Маргарет пожала плечами:

– Поскольку сама я никогда не влюблялась, мне ничего больше не остается, как интересоваться твоим опытом.

– Ты в самом деле не встречала никого, кто стал бы тебе небезразличен? – спросила Элиза.

– Встречала тех, с кем мне нравилось флиртовать, – задумчиво сказала Маргарет. – Но совершенно точно нравилось не настолько, чтобы отнестись к этому серьезно. Наверное, положение богатой вдовы вроде твоего и способно вдохновить девушку, но где взять уверенность, что муженек умрет достаточно скоро?

– Если не желаешь нанести долгий визит в Ньюгейтскую тюрьму, то нигде, – поддела Элиза.

Часы пробили двенадцать. Снизу донеслись звуки. Парадная дверь.

Элиза встала и пригладила ладонями ткань юбки. Сегодня она оделась очень тщательно – в облегающее фигуру черное креповое платье, скромность которому придавал высокий воротник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.